

Константин Сазонов

ФОМА
ВЕРУЮЩИЙ

Константин Сазонов

Фома Верующий

«Издательские решения»

Сазонов К.

Фома Верующий / К. Сазонов — «Издательские решения»,

«Фома Верующий» — это роман о расстрелянных, но выживших. О поколении, чье взросление прошло в индустриальных городах на окраинах страны. Это история одного из тех, кто вышел из «горячих точек», попытался ответить на самые главные вопросы в жизни и сохранить внутри свет любви, надежды и веры.

© Сазонов К.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Жизнь	9
I	9
II	15
III	22
IV	25
Смерть	29
I	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Фома Верующий

Константин Сазонов

© Константин Сазонов, 2016

© Екатерина Бирюкова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ни свет ни заря я отправляюсь на пристань. Сегодня в ожидании своего рейса я буду встречать и провожать корабли. Кто-то скажет – романтика. Да не так уж ее тут и много. Я лениво пытаюсь срисовать прутиком на песке силуэт ласточки, которые здесь во множестве. Летают большими и мелкими стаями, у них повседневные важные заботы – потомство становится на крыло. Пока еще не жарко и относительно тихо, только старый грек рядом торгует деревянными посохами и предлагает их редким прохожим. На песчаном пляже под соснами спят три собаки и морской бриз, развлекаясь, замечает их мелким мусором. Семь тридцать утра.

Скоро придет «Аксион Эстин». Угрюмый и величавый бело-синий паром. За ним, двумя часами позже, грузно отчалит заполненная товарами и путниками «Святая Анна». Перед ними и после – масса возможностей отплыть многочисленными скоростными катерами – вопрос денег и как договоришься. А вообще – ждать – это мучительно, а корабли ходят небыстро. На путь в один конец два с половиной часа. Сто пятьдесят минут среди таких же, как и ты сам черепков разбитого целого, иногда говорящих на похожих, а порой и одинаковых языках.

Я сфотографировал расписание, потом приобрел билеты и убрал их в клапан своей выдавшей формы армейской формы – «горки». Это самая удобная одежда для походных условий, скоро пора идти собираться, но пока еще есть время посидеть в безлюдном месте. Каких-то пару недель назад я и не предполагал, что окажусь на этом песчаном пляже, откуда виден скалистый мыс. За ним начинается другой мир, куда многим вход, несмотря на отсутствие всяких запретов, заказан.

Незадолго до отъезда навалилась бессонница. Мне снилось, что я – вода. Уже которую ночь ветер старчески стонал, костляво поскрипывал и кряхтел разболтанным листом жести на балконной крыше. Кажется, я слышу этот звук и сейчас – вьелся в подкорку.

По ночам я превращаюсь в могучую и быструю реку. Каким-то невероятным и всеобъемлющим зрением охватываю разные берега, потом смотрю вниз, в темные глубины, где только камни, покорные водоросли и очень мало света. Лишь маленькое солнечное пятно гуляет высоко над толщей. Оно становится все ближе, вот уже рядом поверхность. Одно мгновение, и сияние становится умозрительным, оно заставляет просыпаться вместе с утренним гомоном птиц. Сон остается черной водой.

За неделю до отъезда я как всегда встречал утро: кофе и застывший взгляд через окно на пока еще пустую улицу, на смешную и мокрую после дождя ворону. Она собирает овсяную крупу, рассыпанную на подоконнике, нелепо выворачивая голову, желая клювом захватить побольше зерен. Жадина. Я вижу ее глаза. В них, как в крошечных мутных лужах, играют первые утренние блики. Я дал ей кличку Краля. Ворона совершенно не боится человека за стеклом. Наверное, доверяет и знает, что тот, кто кормит – вряд ли сделает что-то плохое.

Так уж вышло, но сам я мало чему верю, во многом сомневаюсь, но всем доверяю. Ну, или почти всем.

Двадцать лет назад я был подростком и видел странное время – всё в трещинах, как старое зеркало. В него было неудобно смотреться. Кто ты? Да вот же – запылившееся отражение в паутинку: хочешь, разбей до конца и собери из осколков мозаику; хочешь, смотри и сокрушайся. А можно и вовсе – завесить тряпьем, и гори бенгальской свечой, жги дотла... Многие тогда стали кучкой пепла: шальные люди, шальная пуля, шальной передоз.

Пятнадцать лет назад я был солдатом. И вот я всё в том же мутном зеркале в каске, в штопаной-перештопанной разгрузке, купленной на перевод из дома, и перешитых из сапог ботинках. Нет ни вещевки, ни жратвы, ни самой жизни. Она еще и начаться-то не успела. А если разобраться – то ни хрена и не было. Только жареная собачатина и анаша, раздолбанная

радиостанция и поршень затворной рамы с нагаром в полсантиметра. А еще было полно патронов, разных – трассирующих, бронебойно-зажигательных, обычных. Рядом было полно совершенно разных зеленых пацанов. Они так же, как и я, оказались в чертовом омуте. Так давно, как будто и не в этой жизни, и не со мной. Но нет – вот фотографии, вот в телефоне можно увидеть номера людей из того времени. Они иногда объявляются, пусть и очень редко. У кого-то ребенок родился, кто-то машину новую купил, но, в основном, много пьют. И не верят вообще никому, ничему и ни во что.

Пять лет назад мне надоело пропиваться в страданиях по высоким и низким материям. Я навсегда бросил это дело и зачем-то приехал в Москву. Здесь я поселился в коммуналке по соседству с пустой комнатой и проституткой Аленой. Алена была увядающей и доброй, вечерами цедила спиртное и слушала французский шансон. Я никогда не заходил в ее комнату, да и она мне не мешала. Иногда мы пересекались на общей кухне: она, если не стояла возле плиты, по обыкновению своему дымя баклажанного цвета затылком, доставала из холодильника жестяную банку чего-то слабоалкогольного и забиралась с ногами на ветхий табурет, а я гладил вещи. Иногда она мне помогала с рубашкой. Утром Алена ложилась спать, а я шел на работу. Надевал костюм, начищенные до блеска туфли и чужую роль, которая плотно встроилась в мою жизнь. Ветхая дверь, крысиные вотчины лестничных маршей, офисные обиталища пасюков побольше да поумнее. И холод. Трупная температура недоброты недочеловечества. С тех пор я не верю актерам, не люблю театр и ролевое насилие образа успешности, а еще сильно сомневаюсь в людях, которые всегда улыбаются.

Теперь для меня очевидна простая истина: никогда не поздно уехать к самому себе... ну или вернуться. Просто вот так взять, проснуться в одно прекрасное утро и понять, что тебя подменили – это уже кто-то другой, и так дальше просто невозможно, нельзя. Тяжелее стать настоящим. Это как созерцание капель на стекле, когда черная вата, октябрь и фонари. Тяжелые воспоминания: осень, недели дождей. Пустые и серые дни. Хочется закрыться на все замки, заглушить всеми возможными способами звуки этого мира и тихо его любить. Несовершенный, но такой родной. Он сжался до скромного обиталища, пустого, но ароматного чая. До звенящего одиночества и абсолютной радости.

По пути из магазина я решил проверить почтовый ящик и забрал из него ворох писем и квитанций. Серый вековой быт. В такт мыслям в подъезд кто-то выставил дверь с зеркалом от старого мореного бабушкиного шкафа, да так и оставил. По утрам молодые соседки себе нравятся, мужики начинают массировать под глазами, а я неизменно бросаю улыбку тому персонажу, что отражается: человеку в неизменных «авиаторах», если солнце, бродяге с рюкзаком и фотоаппаратом. Я не включаю телевизор и стараюсь как можно меньше заглядывать в новостные ленты: почему-то все острее и чаще возвращаются образы прошлого. Разлетается мещанская мишура, я снова все тот же русский Ваня, пришедший с «калашом» из далекого 1968 года, а может, и 1979-го, а может, и 1995-го или 1999-го. Да какая, впрочем, разница? Снова еще одно пустое утро остывает в кружке с черным сладким кофе. Я отчего-то часто вспоминаю своего деда и мысленно благодарю его. За то, что он всегда учил крепко думать, прежде чем делать, и не верить никому, кроме этого неба с назойливым свистом вертолетных лопастей. Я долго обдумывал эту поездку. Собственно, ничего сложного и не было: запрос, ожидание ответа, оформление, чемоданы и бездонный печальный океан с тонкой ватой облаков. Он отпечатан на старых черно-белых фотографиях, где ты, дед, сидишь с пулеметной спаркой на месте стрелка-радиста. Стихия и сейчас не изменилась с того времени, когда ты был живой. И ты всегда верил только глазам, верил в свет и холодную мудрость, которая тихо сияла теплым светом в твоих глазах. Я буду стараться быть похожим на тебя, и пусть жизнь продолжается.

Вот уже загрузился компьютер. Добрался наконец и до электронки. Захожу на сервис и не верю своим глазам. Только позавчера отправлял запрос, а уже ответили. Неожиданно

быстро. Я почти замираю, мне очень важно содержание. Загружаю текст в автоматический переводчик, и оцепенение сменяется радостью. Решение положительное. Славно, когда многолетняя дорога приводит к новой двери. Ты еще не знаешь, что за ней кроется, но не открыть не можешь, ведь рука готова сделать последнее движение к кованой ручке. А начиналось все так...

Жизнь

I

Возле реки был огромный камень. Никто не знал, когда и как он тут появился. Да и мало кому это было интересно. Может быть, много лет назад он был скалой, которую разрушили сухие ветра и доменный жар степного солнца. А может, и вовсе покоился под землей, пока суховеи и река не обнажили каменную душу исполина. Сейчас он служил превосходным трамплином для ныряльщиков: прыжок в прохладную глубину, несколько махов, и вот уже ноги встают на ласковое песчаное дно.

Когда ветер переставал шуметь в ивняке и затихали птицы, замолкал и мальчишеский гомон. Все вскакивали, отряхивая песок с плавок, и всматривались в ровный, как стол, горизонт. Сначала на нем появлялся желтый оттенок, потом линия бесконечности исчезала из вида и становилась бурой.

Ильин переставал бессмысленно швырять камешки в лягушатник. Мантюся в такие моменты мгновенно вскакивал, открывал рот и тарачил глаза. Только флегматичный Бек не обращал на перемены никакого внимания и глядел отрешенно вдаль своими азитскими глазами-щелками. Он был крепким, хорошо сложенным, с плоским и круглым, как луна, лицом. Да и сам был похож на луну. С каким-то холодным светом изнутри, а может, и врожденной грустью. Ильин и Мантюся были как братья-двойняшки: одинакового роста – метр с кепкой, похожие в поведении (отпетые хулиганы, от проделок которых с самого их детства стонала вся округа), оба кряжистые, будто стамеской вырубленные из дерева и плохо ошлифованные, только один чернявый, а другой белобрысо-выгоревший на солнце.

Погода менялась стремительно, равно и время, окутавшее нас облаком дорожной пыли. Она была мелкой, как тальк, и заполняла все пространство, где реальным казался только вой ветра и сам факт – приближается буря.

В эти мрачные моменты плоский камень, притулившийся у затерянного в степи поселка, казалось, тянул его на дно речушки. Он стремительно освобождался от купальщиков, исчезали ровные кучки одежды, ватаги наперегонки перебирались с песчаного пляжа к дороге.

Вот уже слышен зычный голос Мохабат-аже: «Орынбееек, уй тез, бар!» Спокойный Бек садился на велосипед и прощался: «Пока, мама зовет». Мамой он звал бабушку, которая воспитывала его как сына по древней степной казахской традиции. Первенец-внук остается со стариками, допокоить старость, построить на старом кладбище мазарку.

Стена пыльного ветра обрушивалась на Полевое стремительно. Ураган гнул тонкие деревья, рвал провода и жутко завывал. Потом все стихало точно так же, как и началось, только желтела река, постепенно меняя цвет на привычный.

То лето в Полевом таким и запомнилось: очень жарким, с большим количеством бурь.

На продукты первой необходимости тогда как раз ввели талоны. Дед главбуховским суровым оком смерил лист, отрезал ножницами сколько нужно и вручил мне: «Бери велосипед и езжай в село, купишь на все «Беломора». Вышло как раз на сто пачек. Целая сетка папир-рос неудобно болталась на руле, но ехать было недалеко – километра три. Уже через двадцать минут дед раскладывал пачки по кучкам: это свату, это Сашке, а это мне останется. Дед был заядлым курильщиком, но за всю жизнь я только один раз видел его выпившим. С фронта он пришел закаленным, неулыбчивым, но очень ценящим махровый солдатский юмор и крепкое словцо. Бабушка как-то сказала, что во времена прошлые, бывало, привозили деда с работы в кузове грузовика – краше в гроб кладут. Сгружали на руки. В такие дни он закрывался в свое

одиночество, которое разделяли только водка и цыганские песни со старой пластинки. Дед пил, слушал и плакал. Но это все осталось где-то очень далеко в памяти.

В конце перестройки выпало ему счастье по распределению в виде новенькой «Нивы». Ее получение совпало с моим летним приездом после экзаменов в школах – обычной и музыкальной. Дед меня встретил в состоянии горького веселья. Он был изрядно пьян, улыбался во весь свой золотой рот и сразу же отправил меня в кладовку за баяном: «Иди, тебя дожидался, бери и играй». Это была не просьба, приказ. После первых аккордов «А я по лугу пошла» дед сначала помрачнел, впав в какой-то ступор, а потом поднялся со стула весь в слезах и только повторял, ударяя кулаком в воздух «вот хорошо, играй... давай, жарь!», пока внезапно возникшая за спиной бабушка не увела его спать.

Больше деда я никогда не видел ни пьяным, ни выпившим, ни даже с рюмкой «для вида» в руках.

Вечер опускался лениво. Солнце тонуло в медленном мареве, над низкорослыми деревьями со стороны реки поднимался туман, а над степью вдаль росло пыльное облако, в котором уже скоро можно было угадать коровье стадо. Вокруг в окружении своры собак лихо носился пастух на пегой кобыле, шелкал плетеным казахским кнутом и гортанно вскрикивал, подгоняя скотину. Когда стадо подходило близко, встречающие начинали одновременно выкрикивать клички своих буренок, а те послушно шли на знакомый голос. Наши Машка и Зорька всегда приходили сами и выдавали у ворот протяжное мычание в свои две коровьи глотки. Подождав, пока они напьются, дед привязывал их в стойло. Потом дойка, на которую первыми прибежали коты, у нас их было пятеро. Сначала Барсик привел себе жену – безухую и мелкую Муську. Барсик был уже старым и через год издох, а Муська передушила всех крыс на скотном дворе и сеновале, прижилась и приносила каждый год потомство, численность которого как-то сама собой регулировалась. Каких-то котят забирали соседи «в сарай», какие-то разбредались сами и прибывались кто где. Собравшись возле старого таза, они терпеливо ждали, когда им плеснут свежего молока. Следом в обязательном порядке по кружке парного пили мы с братьями.

У нас были и свои обязанности: убрать скотный двор, дать свиньям отрубей, а коровам сено. На его заготовку мы ездили вместе с дедом на новеньком мотороллере. «Муравей» появился у нас очень кстати, ведь, помимо огромных копен подсохшей травы, в кузове было очень удобно возить девчат на речку. Это был звездный час: бравада верхом на красной тарахтелке, хохот вперемешку с визгами, волосы и косы развеваются по ветру. Участковый – один на несколько деревень – все время грозил кулаком: мне еще нет шестнадцати и никакого шлема. Чтобы лишний раз его не злить, я никогда не выкручивал ручку газа до упора, ездил медленно, и за это он закрывал глаза на все остальное.

В конце лета я обычно шел к пятачку возле сельпо. Там останавливался старый желтый автобус: тряский, пыльный, пропахший бензином. Он увозил меня в город, в очередной учебный цикл, в перемены и взросление. В одно лето я приехал к заголовкам со странным и новым словом «путч» в «Труде», в другое – к журналу «Крокодил», в котором годы изображались стопкой книг, и нынешний – был самой тоненькой. После авоськи со ста пачками «Беломора» город встретил меня пустотой глаз и магазинов. Ранним утром я как всегда собирался в школу. На кухне была стационарная радиоточка. Передавали, как по Москве едут танки и стреляют по Дому правительства. Мать что-то тогда говорила: что хуже уже некуда, что непонятно, что мы будем есть завтра. Но я был весь в радиоприемнике. Казалось, это все происходит на какой-то другой планете, недостижимо далеко от мира, где в раскаленной летней пыли лежало Полевое, где осень метет по тротуарам родного города такие красивые разноцветные листья с обрывками старых газет и уже холодный Урал угрюмо несет в Каспий свои свинцовые воды, несмотря ни на что. Где старая прабабушка Дуня рассказывает младшему брату Алешке многосерийные сказки про Машу и ведмедя. Семейку Маши раскулачили, а ведмедь был добрый и благородный. Тогда мои ночи были короткие, подростково-напряженные, с быстрым пробуждением.

Прошло еще одно пыльное лето, сломался голос, поменялись привычки. Баян заменила гитара, парное молоко – «Родопи» без фильтра. Ежики в тумане – нарисованные мультипликаторами и вылепленные партийной формацией в телесигнале с помехами, уступили место танкам и пушкам. И вот уже не летом, зимой я приехал в Полевое встречать новый год.

У Ильина уходили родители, и намечалось веселье на всю ночь. Еще днем был проведен военный совет на скотном дворе у Бека. Когда мы пришли, он стоял в сапогах посередине двора и держал под уздцы молодого жеребца. Гнедой Куйын был еще тем гордецом: подпускал к себе только хозяина, тянул к нему морду, кивал головой и смешно подбирал губами хлеб с руки. Бек говорил, что характером он весь в мать. Кобыла Алтыным была очень своенравной, и один раз под истерический смех Бека сбросила меня прямо в лужу, когда я согласился проскакать на ней без седла. Когда она ожеребилась, радости Бека не было предела: «Я назову его Вихрем, только по-казахски. Вот увидишь, он будет быстрым». И правда, когда Куйын подрос, Бек терпеливо его объезжал и просил нас проехаться наперегонки: конь против велосипеда или мопеда. У «моторчика» еще были шансы, но на галопе Вихрь оставлял велосипед с его маломощным наездником далеко позади.

Товарищ приветствовал нас, потом подмигнул и достал из-за голенища самопал-поджиг: «Смотрите и затыкайте уши». Чиркнул спичечным коробком по запалу и всадил в деревянную стену сарая заряд дроби. Вихрь вздрогнул и заржал, а мы полезли пальцами в уши, чтобы избавиться от звона.

– Ну что, все готово? Что еще надо? А бабы будут?

– Будут.

– А вы в курсе, что Лёня открыл ларек, там теперь можно купить водки и никто не сдаст родичам.

– То-то он «Волгу» себе так быстро купил.

Вечер в доме бабушки и деда был обычным: дед мрачно смотрел новости, где артиллерия в Чечне обстреливала позиции боевиков. Он после этого становился всегда особенно мрачным и часами молчал. Когда исчезла страна, за которую он воевал, личная трагедия притупилась, пережилась и смешалась с повседневностью. Но теперь пушки били в его сердце, сильное, большое, хотя и расшатанное ударными дозами никотина. Даже цинковый мат, по которому всегда безошибочно угадывается бывалый солдат, не звучал холодной и звонкой дробью, а стал каким-то глухим, как будто под ватным одеялом.

Не пошел дед и за стол. «Не могу я, когда такое. Нечему радоваться. Политики, эти их мать, и этот пьяный прораб, до чего страну довели, сволочи. Сволочи и предатели». Он ушел в спальню, а уже утром забылся в своих повседневных делах по хозяйству.

Наш новогодний мальчишник как-то сразу не задался, превратившись в неумелую пьянку с обязательным в таких случаях отравлением, недоуменными и возмущенными глазами приглашенных девчат, дурацкой музыкой и опустевшим уже к двум часам ночи домом. Кто-то ушел в клуб на танцы и на драку, которая была всякий раз. Кто-то остался на старом продавленном диване рядом со столом с недоеденными салатами. А я пошел домой. Ночь была морозной, пахла свежим снегом, холодными звездами и дымом из печек. Тогда я наивно думал, что, вероятно, так же может пахнуть настоящая любовь или чистая душа, да и сама жизнь ведь как бельё с мороза – хрусткая и ломкая от стужи, но так быстро подвластная теплу и чудесному превращению в уют и мягкость.

Утром все вернулось на круги своя. Откуда-то с окраин доносились причитания. Местные знаменитости – Адечка и Коляс встретили новогоднюю белку и играли в догонялки с участием третьего и явно лишнего – топора. Адечка была слюнявой, немногословной. Стеклообразные глаза всегда подчеркивались нитяными губами, с которых чаще всего экзистенциальным кризисом слетал вопрос: «Ты чо, сука... а?» Коляс был, напротив, душа-человек, обладал хорошим голосом и вроде бы даже в юности пел в ресторанах. Приняв на грудь, он всегда прибавлялся

к компании, просил гитару и рвал себе душу и барабанные перепонки окружающим есенинским «Кленом». Неслись они лихой утренней тройкой: Адечка, Коляс и топор. Возможно, так и убежали бы за горизонт, из-за которого эхом доносилось бы «...сука, а», если бы не участковый, который из дяди Сережи стал просто Бондарем. Порядок был восстановлен быстро, милиционера боялись и уважали. Знали, разговор будет коротким: в кутузку до приведения в чувство.

Дед, достав из пачки «Опала» сигарету, закурил, отложив лопату, которой равнял сугробы во дворе, понаблюдал за этой картиной и сплюнул, процедив «вот что творят, черти». Он втоптал в снег окурочку и пошел в дом, где уже трезвонил телефон.

– Вот тебе и новый год, – положив трубку, сказал дед, глядя куда-то в ковер. – Шукунов помер. Сказали, выпил чего-то, полстакана махнул, а после пеной изошел. Чего ж такое завезли-то в село?

Неприятный холодок прошел по спине, вспомнились ночные посиделки и как-то очень быстро окосевшие друзья. Решил дойти до них, узнать, чем закончилась ночь.

По дороге опять встретил Адечку и Коляса. Они теперь ежились от холодного ветра и зверского похмелья. Шли они, словно две шелудивые собаки, с нечеловеческими глазами, уставшими смотреть на этот мир. Но между ними уже снова была любовь: крепкая, паленая и забористая.

Все были живы и здоровы, только Сашке по прозвищу Дизель навалили в клубе. В самый разгар новогодней ночи приехали не местные из Роман-куль, до которого было рукой подать – чуть больше 10 километров. Кирзовые танцы в сапогах внезапно обернулись поваленной елкой, разборками за сельским клубом и выстрелами из самопалов. Сильнее фингалов травм никто не получил. Подошел и Мантюся, который не остался до конца танцев и решил выспаться.

– Да я лучше с утра доберу, чего ночью-то, спать же охота, да и бабы разбрелись все, скукота. Кстати, что за кекс ходит по центральной, как Фредди Крюгер выглядит?

Ильин оскалился и заржал.

– А, это вчерашние гости, не знаю, к кому приехали, но выхватили они по полной, видать, похмельяться ищут с утра. Да ладно, чего теперь, праздник же, пусть живут.

По дороге из клуба уже под утро Ильин зашел к дальнему родственнику, которого все звали просто Эдо. Всю сознательную жизнь тот по-тихому наркоманил: то вываривал какие-то бинты, то занимался чуть ли не промышленной заготовкой конопли на зиму. «Надо же как-то эту зиму перекумаривать», – всегда невозмутимо говорил он.

– Прикиньте, Эдо вчера сварил свое сено на молоке и напоил бабку. Бабка-то пьет у него ого-го, а тут, видать, добавки не было, а душа горела, ну тот ей и дал отхлебнуть. До утра его тормозила и говорила, сынок, труба-т чичас крышу проломить. Бяда, бяда будет. Вставай, иди чини, – продолжал Ильин. – Домой приполз, только встал и надо делами заниматься, в сарае убираться да коров накормить, а то батя сегодня не может вообще.

– Кстати, слышал от деда, что Шукунов помер ночью. Такой спокойный мужик, чего надумал? Вроде выпил чего-то не того.

– Да, нам тоже сказали. Говорят, неделю назад паленку какую-то завезли, – кивал Бек. – Вроде пошел в гараж, замахнул там полстакана и всё. Вот тебе и новый год, новая жизнь и это, как там... новое щастье панимаш, дарагии россияни.

Тишина и похмельное безмолвие вместе с вечером опускались на траурные крыши, по которым скакала Адечкина белка и безумие душ, сумасшествие дней. На заснеженные скаты сыпались мелкие искры из-под фонарей и эхо пушек, казалось, доносилось за тысячи километров с далекого Кавказа. Оно летело к нашему камню и реке, скованной льдом. Сейчас там виднелся только иссохший желтый камыш.

Эхо долетело и до родного города. После нового года в небе над городом стали появляться военные транспортники. Часть на аэродроме «Сокол», которая относилась к летному училищу,

расформировали. Стих свист «тушек», такой привычный с детства. Осталась только одна рота, где служили все местные, блатные, поникшие от войны. Психбольница на окраине неожиданно заполнилась под завязку здоровыми сынками чиновников всех мастей, которые все как один заученно повторяли мантру: «Мы не пушечное мясо».

Военные транспортники разгружали инфаркты, инсульты, раздавленные материнские жизни. Из открытых рампы тени в грязных бушлатах выносили автоматные залпы и чиновничий трусливый кладбищенский бред, от которого тянет наглухо, вмертвую запитать до полного стирания с карты бытия. Небритые подбородки и холодные пустые глаза разгружали военкомовский лоск и благоденствие, только у работяг-землекопов да каменщиков работы было невпроворот. Росла вглубь кладбища чеченская аллея прямо параллельно афганской. Прямая, как струна, которая обрывалась где-то возле рва для бездомных. Как жизнь на излете. Недопетыми песнями и недолюбленными девчатами звучали какие-то бессмысленные слова, и текла река людского горя параллельно жизни.

Вместе с рухнувшей страной обозначились новые границы, которых пока не существовало. В то последнее лето в Полевом я уже работал на комбайне штурвальным. Как-то само собой в жизнь начинало входить дело. Были и вечера с гитарой, но недолго – рано вставать, были все те же Мантюся, Ильин и Бек, но и они уже во всю принимали смену. «Можно уехать и в город», – всегда говорил Мантюся, разыскав в пачке «Примы» целую сигарету, на жаре в кабине они быстро рассыхались и высыпались. «Всё можно, только кто землю будет поднимать, хлеб сеять да убирать. Да и в армию как-то особо не охота. Вон Влад пришел без башки, бухает как зверь после Чечни этой. Оно мне не надо, вот если б как батя служить. Да и чего я... плоскогодие поставили, в мирное время и так не возьмут, а сейчас вроде и не совсем война».

Я, напротив, не питал к технике никакой страсти. Чистить ломом барабан в комбайне, забитый спрессованной травой и жмыхом, было сомнительным удовольствием. Руки не отмывались ничем, даже бензином, только лицо в кабине загорало так, что одни зубы белели – вылитый арап. Впрочем, физическая подготовка не помешала. За лето вытянулся и окреп. У родного дядьки Петра подрастал сын, они думали о переезде в райцентр. Петр начал строительство дома, и каждый день проводил в разъездах. В фермерском хозяйстве он считался вторым человеком. А по факту был первым. И снабжение, и сбыт, и в комбайн, если нужно было. Но жизнь и молодость требовали своего, нужно было двигаться дальше, а в небольшом селе это не представлялось возможным.

В то лето очень рано похолодало, с начала августа зарядили дожди. Пирамидальные тополя печально подпирали мглистое небо и шумели вместе с ветром, гонявшим рябь по огромным лужам. Урожай был собран, гулять уже не хотелось. Впервые меня потянуло домой, в город. С вечера я собрал сумку, обзвонил приятелей, договорившись встретиться через час в старой заброшенной котельной. В кармане у меня были какие-то деньги. Я оставил на билет и пошел в сторону ларька Лёни. Там я потратил все на бутылку водки и нехитрую закуску. Посидеть, уже не по-хулигански, а почти по-взрослому, по-мужицки, по-житейски. Изрядно укоротившийся августовский вечер налил чернил в матовое небо, я обнялся с друзьями на прощание. Уже не по-мальчишески, по-мужски – без кривляний и подколок.

Следующим утром я уехал из Полевого навсегда. Со своей сумкой и ведром вишни я шел не спеша к пятачку возле сельпо. Проводил взглядом уже знакомый силуэт Адечки, которая что-то бормотала под нос, глядела в землю и брела, не глядя, куда-то.

Автобус прибыл точно по расписанию. В него неторопливо загружались мужики с баулами, шумно переговаривались старушки-казашки в неизменных бархатных платьях, мягких сапогах и украшениях. Я примостился рядом с дверью возле окошка и через дождевые капли разглядывал свору собак, которые, как и люди, встречали и провожали своих.

Старый ПАЗик захрипел первой передачей и тронулся. Свора бежала за нами до поворота на старое грунтовое шоссе, рядом с которым еще в давние времена каждое лето призем-

лялся кукурузник с химработ. Собаки быстро выбились из сил и отстали, таяло в мороси село, только далеко в степи было видно всадника. Я почему-то подумал, что это Бек и Куйын опять соперничают в скорости с ветром.

Уже через год там появится настоящая граница, а в селе появятся бравые пограничники с настоящими боевыми автоматами. Петр уже к зиме переберется в райцентр вместе с бабушкой и дедом. Они продадут дом вместе со всеми хозпостройками и поселятся в новом и большом коттедже. А еще через год уйдет навсегда дед, так и не дожив до новых пушечных залпов на Кавказе. Один за другим исполнят траурные партии на натянутых до звона бельевых веревках Мантюся и Ильин, потерявшись в Адечкином миру. Бек построит на старом кладбище мазарку и уедет из села, которое вечный камень так и утащил на дно реки жизни. Только старый автобус так и будет ехать в памяти прямиком в жаркое лето, где мы были больше похожи на беззаботных бабочек: резвились и порхали, видели только яркие цвета и вечную синь, в которую стремятся все души. Но так и потерялись в мареве за горизонтом безбрежной степи. За ним всегда праздник жизни, громкая музыка, арлекины и веселая ярмарка. Но все это будет потом. А пока наступала осень.

II

– Слышь, Махорыч. Чем травмишься?

Север сидел на корточках на лавке, выставив напоказ кисти рук – все в неумелых, кривых татуировках.

– Перекумариваешь? Ну тоже ништяк. Я вот тоже по ходу перекумарю и в качалку пойду. А вот Наташка Журке вмазываться разрешила. Прикинь? Ха-а-а-а-а. Он вчера нажрался каких-то колес, забухал, потом ляпнулся ханкой и в форточку полез. Так и вырубился. Хозяин приходит, а он в форточке завис. Прикинь? Х-а-а-а-а. Лох – это болезнь!

Каждый вечер возле каждого подъезда собирались стаи. На компании они были не похожи. Рабочая окраина, последняя опора и жидкий стул отчаявшегося города. В нем тихо и ужасно умирало поколение. Кто-то за городской чертой, черт знает где, как Леха Бурашкин, которого привезли в цинке и не разрешили вскрывать. Кто-то внутри: внутривенно и грязно, в каких-то притонах и подвальных каморах, как соседка Наташка, от которой старикам родителям осталась маленькая дочь.

В нашем дворе нас было трое: Я, Гаусс и Димарик. Трое тех, кто в ту раскисшую осень не попробовал «грязь». Через границу в город шли потоки опия-сырца, цыгане беременели товаром, ходили с пузатыми карманами, и никому до них не было дела: ни власти, ни правоохранительным органам. Или, наоборот, было, ведь у многих тогда заметно повысилось личное благосостояние.

Мы с Димариком были ровесниками, но общались больше с Гауссом. Он, хотя и на три года младше, был ровня мозгами. Семья его – из репрессированных азербайджанских немцев, отец – известный в городе боксер-тяжеловес. Огромные, почти телячьи глаза, от которых таяли девчата-малолетки, и педантичный, порой до полнейшего занудства характер. Впрочем, он ему не мешал наслаждаться всеми прелестями возраста, наоборот, помогал никогда не терять голову.

– Вот чего тут ловить. Надо язык учить и документы на выезд подавать. У тебя же отец вроде готовит по языковому минимуму.

Мы сидели на лавке возле подъезда и бессмысленно щелчками отправляли в полет мелкие стручки акации.

– - Здоровые лбы, а все хренью маемся, свистульки делаем. Я спрошу у отца. Он уже подготовил одну семью. Думаю, и с вами позанимается. Ему-то чего, всё после школы дома. То книжки читает, а то еще преподавать часок будет. Ладно, давайте я на крышу полезу. Скоро экзамены в институт, надо историю учить, а там тихо, никто не мешает. Прикольно.

– Во! А ты уже точно решил? И куда, – спросил Гаусс.

– Да, как и батя, на иняз пойду. Русской речи уже дома и не слышу, гоняет меня по полной.

– Давай, это ты на германскую филологию или на романо-германскую собрался?

– Не-не, французский не хочу. Английский вторым будет. Но сначала надо поступить. Так что пойду. Пока всем. Забегайте вечером, чего-нибудь придумаем. Можно у Димарика собраться, я на электрогитару струны новые поставил, а Санек ему за ящик портвейна усилик из школы пропил. Можно задать жару.

Дома отец воспринял благосклонно идею о подготовке Гауссов к сдаче языкового минимума и начал рыться в шкафу.

– Так-так, думаю, вот с этого учебника начнем. Ты не знаешь, у них какой уровень?

– Да нулевой, пап. Начинай с самого простого.

– Так-так, – повторил отец и отложил несколько книг. – Будем заучивать речевые штампы, школьная программа тут не годится. Читать и заучивать сразу фразы по тематике.

Кстати, ты сам-то чего? У тебя экзамены через неделю. За твой немецкий я спокоен, по литературе репетитор тоже сильный. А вот с историей, мне из института сказали, может вполне быть засада.

– Это почему еще?

– По прогнозам, конкурс искусственно раздувают, коллеги сказали. Даже на немецкое отделение проходной балл будет не 17—18, как обычно, а 19. Понимаешь, как нужно сдать экзамены?

– Ничего себе. Из четырех экзаменов только одна четверка? Это что ж творится-то?

– Вот тебе и что творится, иди готовься.

На крыше было жарко. Даже на высоте пятого этажа ветерок несколько не спасал. Пришлось прятаться в тень вентиляционной трубы. История России, раскаленное послеполуденное солнце и тени голубей, улетающие в обрыв за границей крыши. Наша современная история... обрыв эпохи и призраки надежды на времена лучшие. Впрочем, и они таяли, исчезали с каждым непонятным днем невнятного десятилетия под сенью цифры девять. Девять-пять – иду стрелять; девять-шесть – кого бы съесть, девять-семь – труба совсем. Девяносто седьмой наступит только через полгода – год моих надежд на бесплатное студенческое место. Нужно стараться. Я проглатываю историю целыми эпохами, которые прочно оседают в уме, ночью мне снятся цари и даты.

На следующий день мы едем с отцом в институт. Занятия уже закончились. Стоим и ждем. Должен подойти бывший отцовский коллега Шабалин.

– Устроился вовремя, ушел из школы. Там его один ненормальный ученик палкой бил, – как бы себе рассказывал отец. – Но ничего, аспирантура, вуз. Мне ведь тоже предлагали на кафедре остаться, а я в деревню уехал. Директором школы стал. Но не мое это – ответственность, хозяйство. Мое это язык, дети, знания. Не вздумай ему ляпнуть, что я только сказал.

– Да что я, пап, как ты себе это представляешь? «Правда, что вас били ученики палкой? Вам нравилось?».

И мы посмеялись.

Отец был в легких летних брюках с накладными карманами и сандалиях. По его внешнему виду сразу можно было безошибочно определить – перед вами учитель: очки, ранняя седина (весь в него, «серебряным» стал уже в двадцать пять), какие-то особые плавные движения, которые вырабатываются, когда не одно десятилетие мелом выводил на доске буквы. Чехов, когда создавал своего «Человека в футляре», очень тонко, ювелирной техникой написал портрет моего отца. Он разве что не закрывался от мира темными очками и пальто в любую погоду. В размеренной жизни были книги, много книг: в шкафах, заботливо расставленные по тематике. После работы он первым делом задумчиво ужинал, а потом погружался в чтение до самой ночи. Только по выходным дням выходил в одиночку на прогулку по городу. Иногда покупал себе какую-нибудь безделицу – одеколон или недорогие часы, на другие у него не было средств, а часы он очень любил. Каждый вечер доставал их из коробки и перед сном выставлял точное время. Иногда он по-тихому уходил за черту, где высокий градус сжигал реальность. В такие дни он становился размякшим и уходил в музыку и сон. Потом так же тихо, хотя и мучительно, возвращался – в мир, в жизнь, в работу, в языки и книги.

В тот день один из карманов у него заметно оттопыривался. Когда к нам подошел Шабалин, то как-то странно и, мне показалось, испуганно посмотрел на меня, а потом выдал из себя: «Александр Юрьевич, отойдем?». Общались они не очень долго. Отец вернулся уже через пять минут с заметно похудевшим карманом и с потухшим взглядом. Такой всегда бывает у человека, когда он делает то, что в душе ненавидит и не прощает другим, а стало быть, и себе.

Мы шли к трамвайной остановке, и тогда я первым прервал молчание:

– А к чему это все было? Я же все понимаю. Я же готов, меня ночью разбуди, я отвечу без запинки на любой вопрос из билета. Меня невозможно просто срезать

– - Это ты так думаешь. В жизни еще насмотришься, – отрезал отец. – И давай всё – тема закрыта. Ты ничего не видел, и сделаешь перед матерью вид, что ни о чем не догадался. Договорились?

Я кивнул.

На следующее утро был экзамен. Билет попался удачно. Я за какие-то десять минут исписал обе стороны стандартного листа и приготовился отвечать. Рядом сидел верзила Тохтамышев: в школе он учился в параллельном классе. В общем-то, был стандартным крепким и недалеким парнем, родители которого делали небольшой бизнес на продаже автозапчастей в небольшом магазинчике. Время было благосклонно к этой касте: родители платили «крыше», а еще за настоящее и будущее Тохтамышева. Он это понимал и был уверен в своем сегодня и завтра, так же как и в новеньком «Форде», который последние месяцы дожидался его совершеннолетия.

Тохтамышев зашел в аудиторию на минуту позже меня, подмигнул и кивнул головой. Я ответил тем же. Он сел за стол передо мной и написал на листке два предложения. Потом пошел отвечать. Через десять секунд с оценкой «отлично» он уже вышел из экзаменационной комнаты. Следом пошел я и ответил все на зубок, получив вполне заслуженно свою пятерку. История была последней. Я стоял возле стенда с вывешенными баллами и смотрел на свои две пятерки и две четверки. Чертова лишняя запятая, из-за нее мне снизили балл по литературе. Впрочем, была ли она? Меня терзали сомнения. Историк был единственный, с кем родители почему-то решили подстраховаться. Все остальные экзамены я сдал чисто. Впрочем, для того, чтобы гадать и теряться в догадках оставалось не так много времени. Уже после обеда всех собирают в зале, где должны озвучить решение приемной комиссии. Через час на входе в институт я увидел мать. Она была в нарядной блузке и с букетом цветов:

– Ну как?

– - Историю сдал. Пять.

– Молодец. А что говорят? Какой проходной балл?

– Честно, не знаю. Почему-то тайна. Говорят, что объявят вместе с результатами.

Мы заняли места в актовом зале. С застывшей улыбкой я услышал свои фамилию, имя и отчество и окончательный диагноз всей подготовки. «В зачислении отказать».

Мы так же, как и день назад, с отцом шли к остановке, говорить не хотелось. Мама плакала, и мне было ее очень жаль. В действительности даже преподаватели-старожилы в институте перешептывались, что балл завышен искусственно, что реальный так и есть 17, просто платников негласно решили взять на бюджетные места по договору разовой спонсорской помощи вузу. И мне неожиданно стало все равно. Мать что-то говорила про то, что нужно с осени пойти на курсы, год до армии в запасе есть, что следующей весной надо опять идти и поступать, брать штурмом эту крепость. Я обнял маму, поцеловал во влажную щеку и сказал:

– Нет, это просто не мое. Незачем разбивать лоб о двери, которые не открываются. Поищем другую специальность и другой институт. А теперь поехали домой. Я ужасно устал и хочу уже просто спокойно выспаться.

Утреннее пробуждение было быстрым. Меня будила мама и что-то говорила. Через несколько секунд стал ясен смысл слов: «Иди послушай, вдруг это для тебя рассказывают?»

По радио госуниверситет объявлял о наборе на факультет журналистики. Прием документов уже шел и заканчивался через два дня. Я загорелся желанием учиться именно на этом факультете. Резко. Бескомпромиссно.

– Мама, мы едем. Только не начинай меня отговаривать? Где та газета с заметкой. Помнишь, я писал еще год назад в «Местную хронику» про конкурс гитаристов?

– Да вот она, храню же. Только этого, наверное, мало. Там же творческий конкурс, понимаешь? Это же сложно. Плюс это заочное отделение, оно от армии тебя не спасет.

– А и не надо. Будь что будет. В армии тоже служить кто-то должен. Не всем же в психбольницах валяться? Сумасшедшие по улицам бегают, мест не хватает, все вояки позанимали.

– Страшные вещи ты говоришь, сын, страшные.

– Да не нужно раньше времени поднимать панику. Давай я сначала поступлю. И я придумал, для творческого конкурса к статье подойдут и стихи. Мне только нужна печатная машинка. Можно же в школе у вас в приемной посидеть, все равно каникулы, нет никого.

– Я договорюсь. Придешь утром и давай брать билеты на автобус. Я позвоню подруге Любе. Остановимся у них.

Смешно сказать, но под щелчки печатной машинки, я осознал – я впервые уезжаю куда-то за пределы родного края и не по хорошо знакомому маршруту в Полевое, куда уже больше никогда не поеду. Потом шелест собранных в стопку листьев со столбиками стихов обернулся шорохом автобусных колес, который вырвал меня из сна в четырехчасовой поездке. Столбики стихов скоро растворились в коридорах университета и обернулись стройными рядами баллов.

«Зачислить». Я летел на автовокзал как смерч в миниатюре. Вместе со мной в группе оказался старый знакомый по Полевому Димка Бабаев. В районной газете, куда он писал заметки, решили поддержать молодое дарование и отправили с направлением в универ. Мы набрали почти максимальное количество баллов. В университете все было по-другому: после творческого конкурса нас отправили на тест, который сразу включал в себя вопросы по четырем дисциплинам. И вот я студент. Мне совсем не стыдно будет показаться в родной школе первого сентября, как договаривались с теперь уже бывшими одноклассниками, и сказать, что я не просто студент факультета иностранных языков заштатного педга, а учащийся факультета журналистики государственного университета, который занимал целый городской квартал. Как-то сам собой назревал вопрос работы, и вскоре я уже вел новости на местной радиостанции. Устроился туда без труда: зарплата – кот наплакал, но своя, для студента – весьма неплохо. А дальше видно будет.

– Я вас приветствую на волнах нашей радиостанции. В эфире выпуск новостей. Мэр города подписал распоряжение... Во вчерашней перестрелке у ресторана «Танго» застрелен известный криминальный авторитет... за выходные в городе произошел всплеск преступности, правоохранители связывают это с низкой занятостью молодежи. Лампа погасла. Микрофон выключен. Можно откинуться на спинку стула и приоткрыть дверь эфирной. Летом ужасно душно и старый кондиционер стоит только в аппаратной. Там необходимо поддерживать прохладу. Нас двое молодых корреспондентов – я и Юлька. Успеваем бегать и по бессмысленным совещаниям, и на происшествия, и опрашивать прохожих. Настроения у людей невеселые. Нелепый конец всегда радостного лета: вчера мы проснулись в стране, где за одну ночь цены взлетели в три-четыре раза. Наши с Юлькой смешные зарплаты и вовсе превратились в ничто, только на проезд до работы хватать теперь будет, да и то если будут платить. Моя напарница наливает чай и шепотом говорит, показывая на дверь отдела рекламы:

– Там вообще пустота, все клиенты отказались, похоже, зарплаты совсем не видать.

– И что думаешь, Юль?

– Да чего мне думать, буду и дальше работать, у меня отец неплохо зарабатывает, а замуж я пока не собираюсь.

Юлька – основательная, у нее все всегда посчитано и сложено в стопку, даже выпуски новостей она формирует запятая к запятой. Вырезает каждую информацию и клеит на чистый листочек. К следующему выпуску, чтобы не тратить краску на принтере, она аккуратно отклеивает каждый лоскуток, меняет их местами и лепит в другом порядке. Но вместе с тем с ней легко, она спокойная и вызывает у меня ассоциации с вечерней степью. Там всегда очень спокойно и трещит кузнечик. У Юльки он внутренний и потому она очень редко молчит, ее летнее платье развевается как цветное крылышко, говорит она ровно и всегда улыбается.

Сегодня на мероприятии я повстречал Леопольда. Ему 25 и он уже главный редактор, кадров в журналистике не хватает. Газету учредил местный владелец центрального рынка и нескольких магазинов. Лео, я зову его сокращенно, просто Лео. Я знаю его уже года три, веселый парень, талантливый. Он носит волосы до плеч, всегда в джинсах и темной рубашке, сколько его вижу, руки почти до локтей в бисерных хипповских феньках.

– Вот ты же все равно новости каждый день делаешь, – говорит Лео и прикуривает сигарету. – Я так понимаю, вы же только этим и занимаетесь. А у меня – просто напасть какая-то. Сам же знаешь, гонорар на знаки и строчки завязан, вот и пишут «простыни». Разворот про выставку кошек? Да легко. Хочешь почитать?

– Нет, я, пожалуй, воздержусь. Простыни с кошками – это, полагаю, весьма увлекательное чтение, но почему-то даже начинать не хочется.

Мы стоим и смеемся.

– Так я к чему, – продолжает Лео и задумчиво затягивается, а после вынужденной паузы неторопливо продолжает. – Ты бы эту информацию для газеты переделывал и мне пересылал. У меня исчезнет проблема новостей, а тебе денежка лишняя. Гонорары у нас хорошие, правда, большой босс платит, когда хочет. Крутит бабки, гандон, – выпускает в потолок кольцо дыма Леопольд. – Но рано или поздно все равно отдаст. Так что, по рукам?

– Да чего спрашивать, завтра же и принесу тебе на дискете. Мне несложно, да и сам знаешь. В газету-то хоть частные объявления дают, да босс подогревает, он никак у вас в мэры метит? А у нас – вообще голяк. Лена, рекламщица наша, все дни грустит и ногти красит. Потом стирает лак и все по новой: красит и грустит. Так что договорились.

Уже через три недели редактор радиостанции начал спрашивать, куда это я хожу с дискетой после обеда. На столе у него лежал свежий номер газеты с моими колонками информации. Он перелистывал страницу за страницей и удивлялся. – Надо же, и новости похожи на наши. Не ты им случайно пишешь?

Я не стал отпираться, все было ясно и так, да и Юлька видела, чем я занимаюсь. Отговорки были бессмысленны.

– Да, я, и не вижу в этом ничего преступного. Мне скоро на сессию ехать, а с зарплатой здесь мне даже на билет не хватит. Да и не конкуренты это нам, газета же, а мы радио. А новости, они в нашем городе во всех СМИ одинаковы, из одной «ямы» черпаем.

Начальник почти припер меня к стене взглядом.

– Ну-ка прикрой дверь. Я тебе объясню политику партии, – он вздохнул, как будто выбирая слова (на уме был один мат – читалось в глазах), и начал свою проповедь. – Ты пойми, мне не жалко, ты правильно сказал, они нам не конкуренты, но ты, ты стал конкурентом своим коллегам. Ко мне по очереди уже который день ходит вся редакция и на мозги капает, что ты на работе занят какой-то своей, так сказать, побочной деятельностью. К тебе вопросов нет: новости идут, вы справляетесь, да я и сам вижу, что ты работаешь больше своей напарницы. Может, мы ее того, уберем, а тебе две зарплаты?

Внутри у меня раскисала глина: мерзкая ситуация, чудовищная зависть там, где и завидовать нечему. Я прекрасно знал, что наш ди-джей по выходным подрабатывает на свадьбах, каждый выкручивается как может, но еще неделю назад в курилке, когда достал и распечатал пачку сигарет – «попал под раздачу», угостил всех, по ходу напоровшись вместо традиционного небрежного «благодарю» на вопрос с ехидцей: «А откуда у нас повышение благосостояния?». Я отшутился. Как и все, промышляю, но набегу не совершаю, караваны не граблю, как могу. А обернулось все совсем иначе: ...дорогие радиослушатели в эфире выпуск новостей, сегодня в центре города ваш покорный слуга был сожран коллегами заживо. Мне хотелось вымыть с мылом руки и выплеснуть то гадкое ощущение землистого цвета, которое начинало есть изнутри. И я нашел выход. Ручка, лист из лотка принтера. «Прошу уволить меня по собственному желанию». Дата. Подпись.

Меня для приличия пытались остановить, образумить, оставить. Но трудовая книжка уже была у генерального директора и через час вернулась с его подписью и печатью организации. Выйдя на улицу, я зашел в детское кафе рядом с нашей редакцией. Посмотрел на новенькую радиомачту на крыше здания, которую еще месяц назад ставили всем мужским коллективом. По времени как раз начинались новости, а я взял креманку с небольшим айсбергом из мороженого. Неторопливо первым делом съел вишенку, потом разрушил маленькую горку, смешав со смородиновым сиропом, как и свою жизнь с чернилами в трудовой. Спешить было некуда. Необычное ощущение. Ласточки над городом, их пронзительные вскрики. Такие же постоянно жили в Полевом на сеновале. Они вили гнездо каждое лето прямо под шиферной крышей, высиживали потомство, ставили его на крыло. Сейчас они проносились на низкой высоте, как и мои мысли. Вспомнилось – «стрижи у земли, дождь на земле». Так всегда говорили мои старики. А дождь – это всегда к добру. Я собрал со дна креманки сладкую жижу из растаявшего мороженого и выпил стакан клюквенного морса, который после шоколада, сахара и сиропа казался едва кислым, почти безвкусным. Решил заглянуть в редакцию, может быть, пощастливится и Леопольд возьмет в штат, ну или хотя бы пока так же, на голом гонораре поработаю. Все неплохо.

Редакция встретила меня странным молчанием и пустыми кабинетами, из которых грузчики выносили технику. В фойе в неизменных джинсах и рубаше сидел Лео и, как всегда, курил. Сегодня еще более задумчиво, немного нервно, периодически бросая вслед рабочим: «Осторожнее, уроните – не рассчитаетесь потом». Я ничего не понимал. Еще позавчера тут была через край жизнь: обсуждались расследования и репортажи, в курилке – вечный политический спор наших дедов-критиканов, которые очень любили слова «волюнтаристский подход» и «очковтирательство», извечная газетная константа – редакционные непризнанные поэты и шизофреники с тетрадами, испещренными размашистым бредом и полнолунием, – но свои, мирные, родные. Сейчас звук моих шагов рикошетил от стен и превращался в однообразное цоканье в конце коридора. Я присел рядом. Начинать доходить смысл происходящего:

– Что, война миров среди учредителей достигла кульминации? – попытался пошутить я.

– Не говори, – как всегда с расстановкой и неторопливо выдыхая в потолок дым, ответил Лео. – Вчера папа собрал весь коллектив, начал с того, что соучредитель Коняхин куда-то увел крупную сумму и что всей редколлегии нужно проголосовать за его отлучение от кормушки. Потом пришел и сам виновник торжества и сказал, что бабки ворует как раз папа. Помнишь, как говорил профессор Преображенский? «Кто на ком стоял, потрудитесь выражать свои мысли яснее». Вот и у меня такой же ступор был, как можно у самих себя воровать деньги? Просто один взял столько, сколько посчитал правильным, а второй в свою очередь посчитал неправильным то, что первый посчитал правильным. Так понятнее? – засмеялся Лео. – Да ты же хорошо знаешь обоих: один торгаш, а Коняхин – вечный общественник, профессиональный тунеядец и строитель партий деления на ноль. У него всегда непонятно, что на уме. Он у меня вообще когнитивный диссонанс вызывает. Рост под два метра, ручищи – землю без плуга пахать можно, а как заговорит – хоть стой, хоть падай. Вроде и много, и неглупо, но смысла ноль, и что хотел сказать – вообще загадка.

– О, да. Но о чем бы ни говорили люди, они говорят о деньгах. Это точно. Невезуха какая-то просто. Я ведь сегодня уволился с радио, думал, здесь теперь буду, а оно вон как.

– Да не переживай. Тут местный олигарх Сайфутдинов уже глаз положил на контору нашу. Ему эта газета не нужна, он собирается в выборах в Госдуму участвовать, ну и под это дело свое издание новое открыть. А тут такой подарок – готовый коллектив, и искать никого не нужно. Правда, условие сразу поставил. Редактор будет его человек, так что кому искать работу, так это мне, а ты сходи вечером на встречу с Сайфутдиновым, он собирает всех. Будет знакомиться.

– А ты сам-то куда теперь? Я так понимаю, в этом коллективе не остаешься? А выбор небольшой – «Местная хроника», «Вестник».

– Думаю, в «Вестник», да и не совсем мое это. Мне живая работа более интересна, чем административная. Так что вперед и с песней, коллега. Кстати, завтра съезди в папин офис, там в ведомости распишешься и получишь оставшийся гонорар. Так что начинаем новую жизнь, папamu штaаа, дарагии россияни, это ну... ну, как говорит наш вечно пьяный и самый счастливый на свете дедушка, ну ты понял.

В конце коридора появилась огромная тень. С каждым шагом навстречу она обретала хорошо знакомые очертания.

– Да ну-у, – присвистнул Лео, – сам господин Коняхин пожаловали. И как назло, ни цыган, ни медведя, и даже водку и ту всю выжрали еще вчера с такими чудесами на виражах.

Коняхин по очереди заглянул в каждую комнату. За время нашего разговора грузчики унесли всю технику, оставив только осиротевшие столы и груды бумаг, разбросанных по полу.

– А где сканер? – неожиданно спросил у нас Коняхин, даже не поздоровавшись.

– Пусто. Какой сканер? – огрызнулся Лео.

– Ну этот, так сказать... сканер, – не унимался Коняхин.

– Все вопросы к учредителю, думаю, где-то у него на складе в районе центрального рынка уже, – и Леопольд потянул меня за рукав. – Тебе в какую сторону? Пошли пешком прогуляемся.

– А пошли.

– Кстати, дай закурить, у меня кончились, а то мне этот... так сказать, сканер, будет ночами в кошмарах сниться.

III

Сайфутдинов учредил на пепелище новую еженедельную газету «Провинциальные ведомости». Меня приняли в штат. Новый начальник был крепко и не раз бит жизнью. Дымшиц всегда жевал резинку и больше всего на свете любил пространно и подолгу философствовать. Даже больше, чем кромсать тексты, от которых оставались жалкие и малопригодные для чтения огрызки. Но у него были и немалые таланты – в переводах Шекспира на русский и в написаниях пьес. Одну из них даже поставил на сцене челябинский театр юного зрителя. Я уже и не помню, от кого слышал, что в природе существует видеокассета с премьерой, где живые цветы и вроде бы даже настоящие улыбки.

Моя карьера репортера складывалась вполне удачно. На публикации неизменно приходили отклики, возникали новые темы. Зарплатой новый начальник не обидел, вот только в коллективе было не все равно. Впрочем, история была звеняще пустой в своей банальности. После ухода Лео быстро обозначилась хищница, готовая сесть на его место. Новый владелец решил по-своему, но хищницу оставил в замах. Воздух в редакции больше напоминал электролит, хоть батареи заряжай, но лучше с осторожностью, а то тряханет. И далеко не факт, что обойдется без травм.

В военкомате меня чудесным образом потеряли на целый год. Скорее всего, по обычному головотяпству. Потом все-таки обнаружили просчет, вызвали и криво вывели в приписном – «отсрочка до весеннего призыва». На зимней сессии в университете в нашу группу восстановился старший коллега. Вадим работал в самой популярной в городе газете – «Местной хронике». В нашем городе он был личностью известной, с неоднозначной, больше одиозной, репутацией, но вполне определенной славой. Известность ему приносили как публикации, так и суды. Внешне Вадим был не менее колоритен: толстяк-крепыш среднего роста, с вьющимися волосами и колкими глазами-булавками, в которых светился циничный сарказм. Он был гурманом: в жизни, в женщинах (боготворил свою жену, красавицу Аллу), ну и, конечно же, в еде. Ему открывались многие двери и многие информированные рты. Они непременно сообщали что-то такое, от чего зеленел мэр, в истерике бился начальник милиции, а по команде обоих самого Вадима били бандиты.

Успешную сдачу очередного экзамена мы отмечали в узбекском кафе, заказали манты. Сегодня удача была на нашей стороне. Отгремели со скандалами выборы, ведь ничто не кормит журналиста лучше, чем хороший скандал. Когда через неделю сессии после очередной вечеринки с однокурсниками мы обнаружили в карманах последние рубли, то выход был найден просто. Тогда был популярен фильм «Вспомнить всё» с Арнольдом Шварценеггером, где он, естественно, все вспоминает и как всегда спасает мир. Мы же спасали сами себя от неминуемой голодной и, что самое страшное, трезвой кончины. А голодная и трезвая кончина для настоящего студента – махровый моветон. Все скандалы последнего месяца были вытасканы на свет из слегка затуманенной вольницей памяти, заботливо отмыты и протерты, словно нападавшие яблоки от земли. И вот они на столе, в вазе – румяные, пахучие. И неважно, что у скандалов и яблок уж слишком разный запах. Для журналиста и то и другое вкусно. Сначала мы написали каждый по две статьи. Потом поменялись темами и написали еще по две. С этим запасом на дискете и отправились продавать тексты по редакциям. Через полдня мы были богаты. Денег вполне хватало на еще одну безбедную сессионную неделю. А значит, живем.

– Ну ты сколько еще собираешься у Дымшица штаны просиживать? – откусывая сочный кусок, спросил Вадим.

– Да вот я думаю, чего метаться. Мне повестку принесли на весну уже. Ю ин зе армии нау, уо-у-о... и далее по тексту.

Вадим отставил стакан в сторону и положил вилку.

– Ты серьезно? В армию? Нет, я сам служил, это нормально. Только не сегодня-завтра опять заваруха может начаться – тушите свет, не опасаясь попасть? Не факт, конечно же, Россия – страна у нас большая, у нас частей и в медвежьих углах полно, где не то что войны, кроме рыка диких зверей ничего не слышно.

– Да у меня в семье все служили, кроме бати, по здоровью не прошел, хотя и очень рвался. Так что тут у меня вопросов как-то не возникает. Я вот думаю, ехать ли весной курс закрывать? Или послать все, да во все тяжкие, нагуляться как в последний день.

– Э, я тебе один умный вещь скажу, только ты не обижайся, – засмеялся Вадим. – Думать про то, чтобы не закрыть весеннюю сессию, забудь, просто забудь. Надо доучиться до твердой промежуточной запятой. Послушай меня, старого больного человека. Два года пролетят как один день, оглянуться не успеешь. Вот вроде только в сапогах ломом плац подметал, а уже дома, и новая жизнь: ты весь такой после армии, в ширинке тоже все после армии – того и гляди дыру в штанах просверлит. Девчата при одном только виде по земле растекаются и сами тебе на шею прыгают. После армии – ты человек, настоящий. Это стоит просто почувствовать. А зачем настоящему человеку проблемы? Придешь весь такой в сиянии и дембельской форме в деканат и скажешь: «А вот он я, любите меня все!». И что ты думаешь, будут любить, скажут – учись на здоровье дальше, мы все твои. А ты «сессию не сдавать». Не сдашь – отчислят, а после армии заставить себя грызть гранит науки уже сложнее, чем сейчас. Так что не дури. А еще вот что. Я поговорю с шефом. Газета у нас самая известная и раскрученная в городе. Всё одно ваш Сайфутдинов выборы в сортир слил, чего и стоило ожидать. Если прешь в политику, то всегда нужно быть готовым к тому, что тебе припомнят подростковый онанизм на обложку «Работницы». А он к этому готов не был. Так что не сразу, но газете вашей кранты. Я знаю, что говорю. И не от последних людей слышал, что финансирование ваш босс прикрывает, крутитесь сами как знаете. А кому Дымшиц со своими переводами Шекспира в каждом номере нужен? Правильный ответ – никому. Так что пошли к нам. Может, наш шеф и об отсрочке договорится, ты же знаешь Ивана Леонидовича, тот еще старый лис – кругом свои люди и связи. В крайнем случае, сразу после службы вернешься и в универ, и на работу. У нас все по-белому, не то что у вас – зарплата из-под полы, ночью, в самом темном углу, и приходиться за получкой лучше в угольной пыли, чтобы налоговая не засекала. Что скажешь?

– А ты знаешь, Вадим, я согласен. Давай, – пока он вел свой убедительный монолог, для меня все стало очевидно. Старший товарищ, бесспорно, был прав. Мне уже порядком надоело, что постоянно шпыняют за то, что текст не четырнадцатым кеглем и не с двойным интервалом («у Иосифа Марковича глаза устают»), да еще кто – его жена, наш корректор, но по поведению – второе лицо в издательском доме – не меньше. Потому что так и есть. Да и устал уже, что из любого текста получается не авторский материал, а перевод Шекспира а-ля Дымшиц. – Я соглашусь, если твой шеф даст добро.

– Ну что, – довольно потер руки Вадим, – давай уже поедим, а то все простыло, будет невкусно. А это нам не надо. За разнообразие вкусов!

Домой мы ехали вместе на машине. Я вышел на перекрестке возле дома, пожав Вадиму руку.

– Ну что, как и договаривались, я решу вопрос с шефом и тебе позвоню.

– Заметано, если меня в редакции не будет, просто оставь номер секретарю, я тебе перезвоню.

Уже через неделю секретарь Оля, светлая и застенчивая девушка, улыбаясь, передала мне листочек с номером. «Просили перезвонить, мужчина представился как Вадим Владимирович и сказал, что для тебя есть важная информация».

Следующим утром руководитель самого известного и крупного издания в городе, Иван Леонидович Сахаров – человек с картинной дореволюционной внешностью – уже смотрел на меня с хитрым прищуром и, покрывая ухом, вел монолог.

– Ну что ж, батенька братец, ваше творчество мне знакомо, так что предлагаю влиться в наши крепкие ряды, пополнить их свежей, молодой и, что важно, талантливой кровью. Пишите заявление на прием. Будете работать с Ириной Тимофеевной в отделе социальной жизни. Она – опытный сотрудник, хороший наставник, работает с молодежью. Для вас будет хорошая школа и адаптация. Все, чем вы занимались раньше – это бирюльки и свиристелки, у нас уважаемое ежедневное издание. И это, батенька, вовсе не означает, что нужно бежать впереди паровоза или толкать его, и уж точно не стоит себя хлопать ушами по щекам. Нужен ровный поток информации в виде разножанровых публикаций, а уж эксклюзивчик-то как мы ценим, о-о! Да в гонораре сами увидите. Засим не буду больше вас страшить нашим поточным производством. Ступайте в отдел кадров и оформляйтесь. Я сделаю сейчас звонок Тамаре Алексеевне. И вы еще не уволились от Дымшица? Не тяните. Что-то мне подсказывает, что он будет против. Да, вы там что-то вроде тестового задания же принесли? Вадим вам передавал, что я хочу свежий текст почитать. Давайте дискету. Я уверен, там все в порядке, но хочу убедиться лишний раз, правильное ли решение по отделу мною принято, быть может, лучше экономика или информация. Ну да ладно, разберемся по ходу дела. Главное ведь начать. И Сахаров хитро улыбнулся в накрученный ус.

Заявление я написал с вечера. Продумал все варианты разговора. Дымшиц был спокойный, хотя и авторитарный. Но не раз слышал, что он всегда записывает «перебежчиков», как он сам не раз говорил, в личные враги и начинает строить всевозможные козни. Так, в частную студию к фотографу Горшкову после увольнения из редакции нагрянул отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Проверили всю документацию, вытрепали нервы, сказали, что заявленные факты не подтвердились и были таковы. Сам Горшков подозревал, чьих рук это дело.

Уже в фойе я услышал голос Дымшица. «Где он?» «Где этот писака?»

– А, вот ты, ну идем ко мне в кабинет, голубчик. Как ты это объяснишь мне?

На столе у Дымшица лежала свежая «Местная хроника» с моей статьей на первой полосе. Неприятный холодок пробежал по спине и пронзила мысль «Вот это подстава. Но какая хитрая!».

– Ты бы мог прийти ко мне, поговорить. Мы бы могли рассмотреть вопрос об увеличении оклада. А ты в спину ударил. Ах ты, сучонок, я ж тебя с рук кормил, а мне с утра Сайфутдинов звонит и спрашивает, читал ли я «Хронику» и как я могу объяснить то, что на первой странице в свежем номере. Они, видите ли, завтракать изволили за утренней газетой и сразу же подавились. Моей зарплатой только он не поперхнет, не сомневайся.

Я собрался с духом, достал из своей сумки заявление и молча положил перед ним. После чего начал говорить.

– Иосиф Маркович, мне, право, очень стыдно, что так получилось. Но я вам отвечу честно, как есть. Эта статья – мое тестовое задание. Опубликовать – решение Сахарова. Моей вины тут нет. Это ваши личные с ним отношения. А решение мной уже принято. Я не останусь у вас, и вопрос не в сумме оклада, а в развитии, в опыте. Вы же не хуже меня понимаете, что «Ведомости», что бы вы ни говорили, совсем не конкурент «Местной хронике». Хотя бы потому, что наша газета – еженедельник, а тут – главное городское издание. Простите. Но я ухожу.

Дымшиц с гневной дрожью в руках поставил подписи:

– Печать у секретаря поставишь. И запомни. Будешь проситься назад – не возьму. Не забудь закрыть за собой дверь.

IV

На новом месте все сложилось удачно. Строгий наставник молодежи Ирина Тимофеевна в первый же день в курилке попросила меня не «выкаты» и звать ее просто Арина – потому, что это ее настоящее имя. В соседней комнате располагался отдел информации, которым завел меланхоличный и очень талантливый Виктор Измайлов, которого все называли «Из май лав». Была и своя старая гвардия еще советской закалки – Федорыч и Василич. Две противоположности. Федорыч курил крепкий вонючий табак, каждый день разочаровывался в жизни и рассказывал, как раньше они ночами писали письма от рабочих по случаю очередного съезда партии, как в редакции работал цензор, который с утра собирал со всех вклад в победу коммунизма, которая и торжествовала за столом в конце каждого рабочего дня. В столе у Федорыча всегда стоял наготове классический граненый стакан в серебряном подстаканнике, для вида в нем находилась старинная ложка с вензелями. Но все выдавал усохший мумифицированный огурец, забытый полкой ниже парой лет ранее. Теперь компанию Федорычу составлял только завхоз Иван Иванович – бывший главный инженер дортреста, не усидевший на пенсии. Примерно раз в неделю обозначался повод, который появлялся в дверях в виде бывшего парторга Коломийца. Они спускались в подвал, где о былых временах напоминал кондовый круглый стол невиданных размеров. Появлялась бутылка, стакан и обязательно сало и лук на свежем номере газеты. Иван Иванович с дивной фамилией Черноокий был самым настоящим крепким хозяйственником, кряжистый и крепкий, несмотря на мягкий фрикативный малороссийский говор, где особо певучей была буква «г». В довесок обладал вовсе не черным, но очень критическим оком.

– Вот я ему и говорю, живешь, как хер в лунке болтаешься. Ничего тебе не надо. А хоронить тебя будет Иван.

– Да хватит тебе уже, – перехватывал Федорыч. – Жизнь такая, что сам черт не то что ногу, башку ломает. Давай Иван Иванович, за правильный, так сказать, идеологический настрой.

– О, еще один, идеолог выискался. Работать надо, Володя, работать, а не басни рассказывать. «Дорогой мой дедушка, Константин Макарыч». Тьфу. Тамарка, кстати, говорила, что по бартеру вместо зарплаты биогукус можно взять. Я, наверное, пятьдесят процентов выберу бартером энтим.

– А чего эт за диковина такая, биогукус, – недоверчиво через диоптрии на минус девять посмотрел Федорыч.

– Да ховно, Володенька, ховно на огород. До старости дожил, а не знаешь. Общественное порицание тебе и орхвыводы.

Коломиец чаще остальных вспоминал партсобрания, а потом как-то без переходных состояний начинал плакать. У него погиб в Афганистане сын. Наследников не осталось. В сердечный осадок выпало горе, и все партийное прошлое обернулось мишурой, заботливо сметенной в уголок жизни. Она еще тускло поблескивала на свету, но с каждым днем эти отблески покрывались пылью лет, и все больше и острее отзывалось горе, все большее сердце, все более похожими становились безрадостные дни и мысли.

– О, вот и наш солдат. Смена растет. Молодец. И в армию решил пойти. Нечасто сейчас встретишь. Как моральный настрой и боевой дух. Готов?

– Так точно, Владимир Федорович. Я, как пионер, всегда готов.

– Это хорошо. Это мы поддерживаем.

Василич был прямой противоположностью Федорыча. То есть, конечно, он прошел и Крым и Рим и все адские круги становления советского провинциального журналиста со всеми деформациями. Но потом одумался и, как сам говорил, «наконец стал человеком».

Человек он был верующий, улыбочивый. Этот образ почтенного старца дополняла седая борода и вегетарианство. На прошлой неделе у Василича был день рождения и он всех угощал постной кухней, да еще и с шутками-прибаутками. Заставил всех угадывать названия блюд.

– Итак... фанфары и аплодисменты... – Василич достал из огромной термосумки аппетитно пахнущую кастрюлю. – Слово из четырех букв. Подсказка – первая буква «Р».

– Рагу, – отозвался редакционный хор.

– Совершенно верно, – улыбался Василич. – Прошу, дегустируем, коллеги, оставляем отзывы.

– Ммммм, бесподобно.

– Теперь блюдо номер два, – на свет появился казанок. – Слово из пяти букв, первая буква «Г».

Дикий хохот, мольбы и возгласы «нет, нет, я не хочу это есть». У Вадима от смеха по щекам текли слезы, остальные надрывали животы, и только Василич растерянно моргал, а когда все стихло, грустно сказал:

– Это гуляш, ребята... Соевый.

– Хорошо, что не гумус, – обреченно изрек Федорыч.

И новый взрыв хохота заставил дрожать стекла. Когда настало время торта, первый кусок на блюдечке отправился в руки редактора.

– Вот, и мне такой же большой, как у шефа, – попросил Из май лав.

Сахаров невозмутимо ответил:

– Это вам, батенька братец, к сексопатологу. У нас и договор с клиникой есть. Если что, подсобим, вы не стесняйтесь обращаться к начальству.

Смеяться уже сил не было, все просто попадали там, где их настигли эти слова, и тихо стонали. Я сделал контрольный выстрел и внес посильный вклад, брякнув:

– Виктор, да вас просто забросали дротиками Эроса.

Сегодня не было никакого торжества и никакой событийной горячки. Меня вызывал редактор. Я зашел в кабинет и сел. Сахаров говорил по телефону, потом повернулся на стуле ко мне.

– А, молодые дарования. Ну как успехи, батенька, как в коллективе? О вас коллеги хорошо отзываются. Впрочем, давайте сразу к делу. Я беседовал по поводу вашего призыва с областным военкомом. Мы с ним знакомы по областной думе. Он мне сказал, что в отсрочке проблем не видит. Что и говорить, это будет всего лишь перенос сроков. Вас это устроит? Он также посоветовал вам лично съездить к районному военкому и побеседовать о вариантах, сославшись на меня. Он должен быть в курсе. Ну так как?

– Честно говоря, Иван Леонидович, в психбольницу я лечиться не собираюсь. А к чему отсрочка? Раньше уйду, раньше вернусь, ведь так? Жаль, конечно, что поработать довелось всего два месяца.

– Ну что ж, – отложил свою гробоподобную «Моторолу» в сторону Сахаров, – я такое решение, батенька, безусловно, уважаю. И ваше место останется. Вернетесь в родной коллектив. Я сам служил, да и все мужчины в нашей редакции тоже. Радует, что вы не станете исключением. Но все равно жаль. А пока езжайте в военкомат. И да, там шум какой-то в городе со стрельбой, слышал.

– Да, Гену Грузина, вора в законе, расстреляли прямо в центре.

– Таак, так-так-так. Шикарная фактура, батенька братец, заодно и оттуда материал привезете, ступайте, ступайте.

В военкомате были серые стены, протертый до дыр линолеум, пыльный воздух и пергидрольная блондинка за плексигласом во всю ширину коридора с надписью «Дежурный». Она осведомилась, кто я, по какому такому важному вопросу, что решил потревожить самого

военкома. Редакционная корочка на нее подействовала гипнотически, и блондинка, подняв трубку телефона, уже через несколько минут разблокировала турникет, разрешив мне пройти в приемную.

Военком Жихарь был человеком тучным и бравым, как и полагается каждому уважающему себя военному. Меня он хорошо знал, так как Сахаров, зная о моем военном роке, специально закрепил тему военкоматов и призыва за мной. Для порядка Жихарь приказал принести мое личное дело, раскрыл его и начал свой монолог.

– Я в курсе всего. Ваш начальник человек уважаемый, но и нас тоже необходимо понять. Мы вольны действовать только в рамках закона. Оснований для отсрочек или зачислению в запас без службы нет. Посему позиция военкомата однозначна. Вы пойдете служить. Результаты тестов очень хорошие, группа здоровья первая. С вашими характеристиками – прямая дорога в ВМФ. Мы вам предварительно эту команду и записали. В областной центр приедут покупатели с Северного флота, они вас и заберут. Насколько я вижу, вы отлынивать и уклоняться от службы и не собирались, а то нам тут понаписали.

Военком осекся, и даже очки его, казалось, запотели. Но смысл сказанных слов я профессионально молниеносно уловил.

– Кто понаписал, товарищ подполковник, – я сказал это с улыбкой, мне и, правда, было все равно, но я постарался перевести разговор в более неофициальное русло, каким он не раз у нас бывал при рабочем общении.

– Ну раз проговорился, тогда ладно. Только никому. Это я по хорошей памяти. Да и уверен, отслужишь, вернешься через два года из этого дурдома, и, если здесь еще буду, то возобновим наше сотрудничество, еще плодотворнее будет.

Жихарь налил полстакана воды из графина, выпил, вытер платком лицо и тяжело поднял грузное тело с кресла. Он подошел к сейфу и достал стопку листов.

– Вот, на тебя раз в неделю мне с копией в адрес областного военкома приходили анонимки. Дескать, несознательный ты элемент, здоров как бык, а от армии прячешься, в то время как наши корабли бороздят просторы Большого театра.

– Позвольте взглянуть?

– Да зачем, тут подписи не стоит, на то она и анонимка.

– Мне нужно просто посмотреть.

На белых листах по всей форме деловой переписки выстроились ровные ряды букв... четырнадцатый кегль, двойной интервал.

– Спасибо, товарищ подполковник. Ну, теперь как без пяти минут солдат спрошу, разрешите идти?

– Иди, боец, пока вольно. Да и что-то мы с тобой засиделись. Сегодня ж пятница. Пора на рыбалку собираться уже. Опять жена весь мозг высверлит своим «нажрешься», но кто бы ее спрашивал. Давай. Хорошей тебе службы. И без обид, сам понимаешь, когда такой оборот, тут еще и реагировать нужно, командование строго спрашивает.

В центре города возле универсама площадь была оцеплена милицией. Стояла машина прокуратуры и судебных экспертов. Следственная суета сосредоточилась вокруг черного кабриолета. Отдельной кучкой стояли немногочисленные очевидцы, бесцельно слонялись праздные зеваки.

Дверь со стороны водителя была открыта, на сиденье был хорошо виден труп еще утром грозного вора в законе Гены Грузина. В те странные годы криминалитет иногда даже звал журналистов на свои толковища. «Чтобы лучше понимали, кто настоящая власть», – говорил тогда Гена. На одной из таких сходок довелось побывать и мне. В первый и последний раз. С Геней мы больше не пересекались ни разу в жизни, но второй после него человек, Захар, был одновременно и криминальным авторитетом, и уважаемым в городе предпринимателем. Не знаю, что я такого сказал или сделал, но Захар стал просто так приглашать меня к себе.

Я не очень понимал зачем. Он выставлял на стол невиданные для меня деликатесы и долго и пространно рассказывал о своей нелегкой жизни. О том, какое «бычье» вокруг и как его беспардонно кинули на два миллиона долларов. Порой он выдавал бесценные для журналиста сведения, но дальше меня они пойти не могли. В волчьем мире бизнеса старый авторитет потерял всю семью. Дочь бесследно исчезла. Жену на глазах у многочисленных свидетелей среди бела дня зверски зарезали прямо на улице в центре города. Захар жил недалеко от редакции, и в очередной визит я почувствовал еще в прихожей его дома запах лекарств. Больничный запах, камфорная взвесь безысходности и одиночества. Ему просто не с кем было больше поговорить без опаски, без оглядки на свою страшную, сожранную деньгами душу. В какое-то утро мне позвонил знакомый оперативник. Он сказал, что Захара больше нет, выстрелил себе в голову из ружья, но все равно оставалось ему не больше месяца – судебная медэкспертиза выявила рак легких в последней стадии. Не жилец был. Наверное, нервы сдали.

Теперь и еще один человек из той компании был в нескольких метрах от меня без признаков жизни. Я увидел своего знакомого оперативника, и чтобы не быть назойливым, выждал время и тихо спросил.

– Ну и что тут, если вкратце?

– Если вкратце, то полная жопа и плакали выходные. Очевидцы говорят, что к машине подошел какой-то бомж, хотя по комплекции больше похож на подростка. Крутился, просил закурить. Этот – оперативник показал на труп – махнул ему рукой отвалить от машины, а бомж делал вид, что не понимает и гнул свое, показывал знаками – то ли закурить, то ли прикурить. Тот, который мертвяк теперь, опустил на два сантиметра стекло, крыша была поднята, да эксперты говорят, там кевларовая обшивка, броня. В общем, этих двух сантиметров хватило, чтобы через пару секунд в голове у него болталось пять пуль, две навывлет. Без единого шанса. Работал профи. Тут центр города. Специально шум создал, чтобы рты раззявили. Выстрелы слышали многие. Пока глазами хлопали, он и ушел. Пушку уже нашли в соседнем дворе в мусорном баке, ТТ сорок третьего года выпуска, нигде ранее не засвечен, но пока выясняем, баллисты его забрали, отпечатков тоже, естественно, нет.

Я поблагодарил оперативника и зашагал прочь. В последний раз посмотрел на машину. Со стороны пассажирского сиденья все стекло было розово-мутным. Я ускорил шаг и ни разу не обернулся.

Трамвай вез меня по мосту через Урал. Задумчивая, стремительная и такая родная река. Она текла здесь тысячу лет до меня, будет катить свои воды еще и столетия после, невзирая на горькие судьбы, на несметные богатства и лишения, на смешные временные царства и людские барьеры. Урал отделил Европу от Азии, и через пару дней здесь, на пологом песчаном берегу – с шашлыками и пловом – весь уже ставший родным коллектив отметит мой последний на ближайшие два года рабочий день в газете. Урал грустной мыслью будет уносить последние отблески летнего солнца в июньскую ночь, когда с дождем смешаются слезы матери, будет смотреть в небо отец, а поезд понесет меня напрямиком в ночное волчье время.

Смерть

I

– Савченко ранен!

Щелчок затвора. Это сигнал ротного о начале штурма. Дальше все как вдалбливают на бесконечных занятиях в наши лысые головы, и, кажется, даже в рефлекс: передвижения тройками, петляя, на максимальной скорости и на короткие дистанции. Если кого ранили – двое к нему, ремень автомата пропустить наискосок под руки, тащить ползком, прикрывать и спереди, и сзади.

– Быстрее шевелимся, чего как мыши беременные вошкаетесь, вас так снайперы пере-щелкают как в тире. Быстрее, еще быстрее.

В Подмоскowie ранняя весна. Тактический городок по колено в лужах и в грачах. Черные точки заполнили всё небо и облепили деревья как гигантские набухшие почки.

Командир роты капитан Москалев хищно смотрит на нас и подгоняет:

– Не барышни кисейные, отмоетесь и отстираетесь. В реальной обстановке вам про такое думать не доведется. Иначе нечем думать будет. Исайкин, что ж ты за аборт такой? Глаза б мои тебя не видели. Не место таким в боевой роте. Я тебя лучше на хоздвор переведу, свиньям хвосты крутить. На километр отстал. Ты хоть понимаешь, что эти двое, что тебя прикрывают, пока ты хнычешь, вместе с тобой жизни лишились. Понимаешь или нет, обезьяна? Не слышу ответа. В роту, в наряд, очки лезвием скоблить. Подумай хорошенько о том, что я тебе сказал. Завтра доложишь, что ты понял.

Впереди двухэтажный недострой. Серый и уродливый каркас. Стоит на открытой площадке: ни деревца, ни куста – не укрыться. Где-то там засела группа обороны. Сегодня наша задача выбить их с минимальными потерями. Дистанцию в несколько километров пришлось преодолевать где-то перебежками, где-то по-пластунски. Вгрызаться в землю, по команде «вспышка с тыла» в секунды сливаться с распутицей, дышать водой и локтями уходить в талую землю. Еще один щелчок затвора впереди, следом – один сплошной лязг еще десятка. Втулка на стволе сидит плотно. Летят думы и взрывпакеты. Вспышка и хлопок, еще хлопок, еще...

– Побежали, ежики в тумане, побежали, – подгоняет Москалев.

Белый дым встает стеной. Слышны только слова командира роты.

– Не теряем спину бегущего впереди. Теперь четверками: один в дом, второй и третий работают по окнам, четвертый прикрывает тыл. Прорываемся на первый этаж, думы в окна по команде.

Теперь уже оранжевые клубы валят изо всех щелей. Здание становится похожим на магическую скороварку злой колдуньи, которая готовит адское зелье войны из солдат. На лестнице начинается бой, в ушах звенит.

– Передвигаемся. Первый на площадку, второй наготове простреливает марш, третий межлестничное пространство, четвертый – смотри за окнами.

На второй этаж мы врываемся уже через минуту. Ротный одним движением руки останавливает натиск перед последней лестничной площадкой. Все остальные комнаты уже зачищены. Он за какие-то секунды снимает старый бушлат и с силой швыряет его прямо перед дверным проемом. Раздается автоматный треск холостых очередей, следом в помещение летит дымовая шашка и ураганом, стреляя в воздух, врывается мы.

Из мутной завесы появляется наш «дед» Селифан. Слышно, как он прорезинено смеется под противогазом и мычит «сдаемсуу». Москалев отряхивает бушлат от строительной пыли, надевает его и смотрит на часы.

– Ну что, в отведенное время уложились. Сейчас всем строиться перед зданием. Подведем итоги.

Он пружинисто ходит вдоль строя взад-перед, смотрит себе под ноги и периодически бросает взгляд на нас, объясняя:

– Сегодня мы отработали штурмовые действия. Обычно в таких ситуациях нужно учитывать соотношение сил. Как правило, оно должно плюс-минус соответствовать пропорции семь к одному: на одного засевшего в обороне семь штурмовиков. Но дело не только в количестве, дело в умении. Потому, помимо тактики, я буду требовать результатов по огневой подготовке. Скоро вам всем предстоит командировка. Уже половина роты уехала. Остались те, кто нужен здесь, в Софрино. Но примерно через две недели прибудет пополнение из учебки, и вы поедете менять тех, кто увольняется в запас. Вопросы по занятию есть? Я так и думал, что нет. А зря. Становись. В роте у вас полчаса привести себя в порядок, переодеться и подготовиться к приему пищи. Нале-во! В распоряжение бего-ом марш!

После обеда у меня отбой, нужно готовиться к наряду. С сержантскими лычками нас осталось только двое – я и Гусь. Гусь призвался на полгода раньше, съездил в командировку, но вернулся. Никто не расспрашивал его о причинах возвращения. Знали, что бегал линейщиком, проверял скрутки полевого кабеля на территории бригады. Все остальное было неинтересно, да и некогда. Бригада воевала, в ротках осталось людей по минимуму, службу и наряды тащить приходится в жестком режиме, да еще и этот нескончаемый ремонт в расположении. Когда комбриг уезжает в командировку, за него остается начштаба Ходарев. Он первым делом приходит в нашу роту и начинает читать нотации Москалеву: лучшее подразделение, связисты, белая кость, а устроили не расположение, а какой-то сарай. Завтра же все сломать, сбить штукатурку, сделать нормальную тумбочку дневального, и чтобы цвета повеселее, и стенды, стенды. На все вам месяц, как хотите – так и делайте. Потом на Кавказ отправляется уже Ходарев, и батя при первом же визите говорит, что это не образцово-показательная рота, а детский сад «Журавлик». Эту барскую тумбочку, обшитую вагонкой, сломать, сделать простую. Все перекрасить в шаровый цвет и картины, картины эти убрать, повесить уставные плакаты. На все про все – две недели. И так каждые три месяца.

Гусь потому что Гусев. Но прозвище ему подходит: приземистый, нос клювом, лицо – рассыпанное просо, голос – пионерский горн. Как тут говорят, он матерый и шаристый. Что и как лучше проверить – это к нему, кругом связи и свои люди. Первым таким человеком в его списке была сисястая и крутозадая кастелянша Катя. Гусь каждый день исчезал куда-то на полтора-два часа и появлялся, сияя, как новенький сапог. И только я знал, что он на вещевом складе. На случай шухера у Гуся с собой «Моторола», и он за три минуты в случае чего явится с невинными глазами, уставший от «тягот и лишений воинской службы».

Меня зовут Платон. Так получилось. Командир роты еще год назад увидел в личном деле гражданскую специальность, присвистнул и спросил: «Ну, какие еще сюрпризы? Свой военкор у меня есть, может, и философы найдутся? Сократ иль Платон». Так я и стал Платоном. Прижилось-приклеилось намертво.

Дежурный по части сегодня наш «сам» – майор Ревунов, начальник связи. На разводе вместо обязанностей дежурного по роте он расспрашивает меня, как подготовили телефонную полевую связь к предстоящим учениям сводной роты, и в каком состоянии коммутатор, где барахла междугородная линия и такой сбой, вот незадача, пришлось на разговор Ходарева. Тот зверствовал, обещал майору выговор, а всех, кто причастен, – в Чечню, а там сходу на «гауптическую вахту». Древний коммутатор ночью перебрали и перепаяли, так что все заработало. На полигоне тоже установили полевые аппараты, «тапики».

С развода принимать оружие у Гуся. Такой у нас теннис – он сдает мне, я ему. Пересчитали автоматы, расписались, замок, печать, доклад, чтобы поставили на сигнализацию. Потом в столовую. Из комендантской роты спрашивают, как наш майор, любит ночью в гости ходить

с проверками? К ним должны приехать хорошо знакомые, и нам в том числе, развеселые девахи. После их визита только и разговоров в курилках обычно.

– Прикинь, Платон, она тебе не рассказывает про свою бабушку. Трахаешь, а она орет – еще, да, вот так, а, а! А потом еще и китель мне постирала. Он теперь не воняет мертвой лошадью – пахнет, благоухает. Вот как куст малины, а посреди него еще один куст роз, вот так.

В столовую строимся быстро. Куцый строй из десяти человек – всё, что осталось от роты. Равняйся, отставить, равняйся, смирно, шагом- арш, песню запее-вай. На плацу наш майор остановил роту охраны, их бойцы попались на сдаче местной купчихе Клаве алюминиевых урн. Ревунов читает им мораль. Доносятся только обрывки:

– Что? Что, старшина? Солдата не тронь, а то повесится? Да срать, пусть вешается. Выдай из каптерки веревку, мыло, пусть распишется в книге инструктажа, «о последствиях предупрежден» и вперед. А то устроили пункт сдачи металлолома.

На наш строй он кидает взгляд исподлобья и показывает кулак. Мне все ясно, ночью придет проверять.

После отбоя я пишу письма. Потом встаю, отжимаюсь, стряхиваю с себя сон. На столе книга Астафьева «Прокляты и убиты». Часовая стрелка отсчитывает секунды, минуты. Они вязкие, как сгущенное молоко, которое стоит рядом в солдатском котелке. Гусь оставил мне гостинец. В столе лежат еще полбуханки белого хлеба, масло, сахар в газетном кульке и открытая пачка индийского чая.

Дневальным со мной сегодня Шишкин или просто Шиша. Нескладный деревенский тугодум, который больше всего на свете любит спать. Говоря языком сугубо гражданским и научным, Шиша был глубоким интровертом, что помогало в военной специальности – служил он мастером техники, и неплохо разбирался. Но во всем остальном это была небесная кара всего подразделения. Командир роты называл Шишу потеряннным для общества человеком и ввел специальную команду – «Шишкин». Произнесенная зверским рыком Москалева она означала, что боец в очередной раз обнаружен случайно уснувшим на паяльнике с уже тлеющей шапкой, или спящим, свесив голову и руки в стиральную машинку под прикрытием ремонта. Но раздавался грохот, звук упавшего человеческого тела, Шиша возвращался в этот говенный мир и восхищенно хлопал глазами. По команде вся рота строилась по форме номер пять – в бушлатах, шапках и с полной выкладкой: оружие, каски, бронежилеты. В таком виде мы обычно бежали на стадион и носились там вьючными животными, пока Москалев не успокаивался и не решал, что вина Шиши полностью искуплена, и для воспитания бойца через коллектив достаточно. И вот наступала очередь штрафника. Буквально два дня назад после очередного «залета» и забега все ввалились со стадиона в подразделение и попадали на пол без сил. Только Шиша подозревал, что ему предстоит, затравленно смотрел, а потом решил не дожидаться. Пока все снимали просоленную мокрую одежду, он рванул в одном исподнем – грязных желто-коричневых кальсонах и застиранной рубаше на улицу, куда-то к забору части, на волю из серых бессонных стен, в отчаяние и весну.

Шишу догнали, успокоили и вернули. Никто его не трогал.

– Ну его нахрен, – говорил Гусь, – все равно его не переделаешь уже, а так-то пацан мухи не обидит, давай его в наряды и на узле связи пусть свои железки паяет. Кстати, у прапора, начальника столовой, телевизор автомобильный показывать перестал. Шиша, сделаешь? Там звук есть, а изображение пропало.

Шиша тихо зашепелявил:

– Да чё, сделаю, предохранитель сгорел, все понятно.

Гусь похлопал его по плечу: давай-давай, а то рота за твои косяки качается постоянно, скоро культуристами будем. А так, от прапора будет щедрая расплата.

И вот остатки этой расплаты я в полночь жевал с книжкой в руках. Потом подошел к тумбочке дневального и разрешил Шишкину попить чаю, пока горячий. Поделился с ним

тем, что оставил Гусь. Глаза Шиши загорелись. Был он хоть и тюфяк, но тощий, с узловатыми руками-граблями в ссадинах и ожогах от паяльника. Обычный пацан из мордовского села, недоученный и недолюбленный. Я расспрашивал Шишу о жизни до армии: мать уборщица, отца не знает – вроде как пьяного волки порвали до смерти зимой на окраине, но сам он был тогда маленький и не помнит. С девушкой не то что не целовался, за ручку не держал, да и поразъехались все из села в город. По его аппетиту и тому, как он жадно ел, было видно, что дома не было и сытости: огород да редкие подработки – отремонтировать чего соседям. Матери в школе платили сущие копейки, а скотину бы и рады завести, да ее тоже покупать надо, а с деньгами напряженка. Несмотря на все свои злоключения, он искренне считал армию вторым домом, говорил, что тут хорошо.

– Да чё, кормят, одевают, при деле – мне больше и не надо ничего.

По первой он пытался взять хлеб из столовой, но деды, которые теперь уже дома стали обычными гражданскими людьми, быстро заметили это, и уже после ужина договорились с поварами накормить Шишкина на всю оставшуюся службу. Бойца привели в столовую, поставили перед ним три котелка с супом, четыре с кашей, два котелка чая, две буханки хлеба и заставили есть. Вопреки ожиданиям Шиша отторжения не испытал, умял все, слегка помалялся животом и жидким стулом ночью да немного на следующий день. Я подозревал, что от такого воспитания вывернуло наизнанку бы кого угодно – но не Шишкина. Должно быть, он давно записал тот вечер в самые счастливые и сладостные минуты своей службы.

Майор Ревунов зашел в половине второго ночи. Он выслушал доклад, посмотрел на меня, на книжку, на стопку писем рядом. Сделал запись в журнале и пошел в соседний подъезд. Комендантской роте повезло, подниматься он не стал. Я сел перечитывать свои весточки с родины. Ночами – особенно хорошо. В темноте за окном оживают теплые образы из недавнего прошлого. От них становится щекотно в животе, и я в такие моменты смотрю в себя и всегда улыбаюсь с отстраненным взглядом: фонарю рядом с подъездом казармы и черным силуэтам кленов за забором части.

Вот письма от мамы: в них запах дома, отец со своими книгами и младший брат Алешка – растет, учится хорошо. Когда я уйду на дембель – ему уже поступать в институт, совсем мужик стал. Дома прыгает и вместе с хвостом всей задней частью виляет мой рыжий в белых пятнах пес Чамба. Я даже вижу, как он меня встречает с заливистым лаем, прыгает и старается лизнуть лицо. Вот письмо от Вадима. Он пишет про редакцию, про университет. Когда я приеду домой, мой курс будет получать дипломы, а мне опять – в студюзусы, просиживать штаны на гранитной скамье науки. Из нашей с Вадимом переписки сразу же приключился казус, а по меркам армии так вообще ЧП и провал в политической подготовке, да чего уж там, – морально-идеологическая диверсия.

Свою службу и распределение я воспринял однозначно – как данность. Уже после того, как на сборном пункте морские офицеры уехали с небольшим отрядом призывников, я понял, что военком Жихарь ошибся в своих прогнозах, а его приписка была, скорее, припаркой мертвому. На третий день нас на ночевку отправили в город, казарма на сборном уже не вмещала всех. Не было сил уже и на безостановочный просмотр советского фильма «В зоне особого внимания». Я сидел в тени здания, периодически ловил обрывки фраз военкоматовских: «что, вообще нулевого привезли? – да, никакой», «о, мафия, откуда их столько». С третьего этажа, где находился местный карцер, кто-то жалобно в течение получаса умолял: «Пацаны, водички киньте. Пацаны, попить, попить дайте. Подышаем». Но сумки были закрыты в железную клетку, все спиртное изъято, а на улице адское пекло. На каждый прием пищи клеенчатые клетчатые баулы расходились по хозяевам. Тут же возникал кто-то из людей с погонами, проходил вдоль ряда жующих лысых голов и выбирал на закуску то, что приглянулось.

– Шакалы они и шакалы и есть, – брякнул сидящий рядом крепыш с бандитскими глазами.

К нему тут же подошел боец-срочник и показал на мусорную тележку: давай, хватит жрать, иди собирай окурки и толкай тележку, раз самый умный.

Парень встал, отряхнул руки и спокойно сказал солдату: «Тебе надо, ты и собирай, еще раз подойдешь – челюсть сверну, и ничего мне за это не будет. Всосал, зеленый?»

Обескураженный солдат пытался что-то возразить, но увидел пару десятков недобрых глаз и передумал.

Ночь я провел у друга Олега в областном центре. Мы полночи пили водку и пели песни под гитару. Утром, по прибытию на сборный, сразу же увидел людей в камуфляже с соколами на шевронах. Рослые ребята со стальными глазами и особой статью в движениях, что у любого понимающего отбило бы охоту встретиться с такими в рукопашной. К нашему взводу подошел рябой майор, который и сообщил, что выпала нам великая честь – служить во внутренних войсках, и поедем мы в очень хорошие места, где красивая природа, чистый воздух и прекрасные люди – в Подмосковье.

Нас погрузили в раскаленные на солнце автобусы. Кто-то попытался открыть люки, но в следующую секунду в дверях возник один из «прекрасных людей» – двухметровый верзила с сержантскими лычками. Он посмотрел исподлобья и ледяным тоном изрек: «Куда полез? На место. Считаю до двух. Галдеж убили. Сидим бычим, маньяки».

Военный эшелон провожали с оркестром, как и положено, под «Прощание славянки».

Уже к исходу первой недели я, немало удивленный человеческими метаморфозами в закрытом мужском коллективе, написал письмо Вадиму. В резко-художественных армейских выражениях с циничным громким юмором я обрисовал свой скромный быт и окружающую действительность. Как бегаем, точно лошади, постоянно за любой шепоток в строю отработываем команду «вспышка с тыла» (старшина всегда говорил, что потом еще спасибо скажем), и что всякие иллюзии исчезли с первого дня. Наш «замок» наутро после ночного прибытия построил всех и сказал, что все мы рано или поздно окажемся в Чечне, в бригаде народа нет совсем, полгода нам отведено на подготовку. И занятия были не для слабаков. Здоровые лбы на поверку оказывались тряпичными игрушками. Мне даже иногда казалось, что их связали крючком из теплой шерсти заботливые мамины руки. Двое таких постоянно, каждый день, плакали, точно девочки в туалете. Ребята посуше конституцией были, как правило, с характером, но ужасно голодали. Перестройка обмена веществ им давалась невероятно тяжело, и сержанты, сжалившись, позволяли им второй раз подойти к раздаче в столовой. Но предостерегали, чтобы с собой – ни-ни. А кто-то и вовсе пошел по пути непригодности к строевой службе. Сразу же обнаружили какие-то болячки, не замеченные врачами. Развивался ночной энурез, а то и вовсе терялся контроль над кишечником. Для порядка таких передавали в руки медиков, через руки которых каждый призыв проходили десятки подобных. Все эти перипетии я изложил в письме товарищу. Вадим оценил по достоинству: отредактировал и опубликовал в «Хронике». На присягу к своим чадам приехали родители, в том числе и к моим землякам из города. Стоит ли говорить, что газету они привезли, и она очень быстро переключалась из рук гогочущих бойцов в канцелярию замполита батальона. От службы в свинарнике меня тогда спасла учебка.

На следующий день после присяги в роте у нас появился чернявый капитан, посмотрел наши личные дела. Я готовился заступить в наряд и спал, но раньше уже сказал нашему сержанту, что не хочу ни в гранатометчики, ни в снайперы, ни в разведчики. На гражданке работал на радио, почему бы и не пойти в связь? Капитан говорил со мной пять минут, смерил взглядом, оценивая комплекцию. Удовлетворенно кивнул: «С радиостанцией бегать сдюжишь. Поедешь в сержантскую школу. Нам нужны толковые».

Когда возмущенный до глубины своей тонкой кирзовой души замполит батальона приказал разыскать и доставить к нему дерзкого бойца – нарушителя армейской субординации

и неблагонадежного идеологически солдата – поезд с Курского вокзала тронулся в ночь и пока- тил меня сотоварищи на берега Оки, в трогательно красивый и тихий Орел.

После огромной бригады в Софрино, больше похожей на конный племзавод, учебная часть в Орле была маленькой и уютной и напоминала спортивный лагерь в центре города. В народе ее называли «Чайка» – по названию магазинчика рядом, где с раннего утра под сенью каштанов начинали бузить алкаши со своими пестрыми подругами. Иногда дело доходило и до совсем уж пикантных сцен, и тогда из окон многоэтажного жилого корпуса, где курсанты размещались на самых верхних этажах, летели ободряющие возгласы. « Бои без правил, тотализатор!» – поблескивал золотым зубом командир учебной роты Юрченко. В свои двадцать семь лет он обладал какой-то степенной и вместе с тем искрометной усталостью от службы. Бронебойное чувство юмора в нем удобно соседствовало с фатализмом. И это было по-офицерски прекрасно. Его воспитательные работы были непохожи одна на другую и, самое главное, были понятны всем – от вчерашних университетских студентов до деревенских. В то лето в «Чайке» сплеховала служба тыла, и нас на завтрак, обед и ужин кормили перловкой под разным соусом: утром – просто перловка «без никто», днем – на первое перловый суп, на второе – перловка с волокнами мяса под слоем комбижира, и только вечером иногда бывала пшенка или рис.

– Служба тыла – вещь загадочная, – философствовал Юрченко. – Вот вы жуete свою вкусную, питательную, восхитительную перловку и даже не подозреваете, что у тыловиков существует таблица заменяемости калорий. Если следовать этому документу, то вместо одного куска масла вы вполне можете сожрать десять килограммов сена и будете сыты и счастливы. Так что на вашем месте я бы радовался и перловке, и говядине 1976 года выпуска, главное, не забывайте с утра спальное расположение проветривать, а то у офицеров роты, и я не исключение, глаза режет.

Чудесным было и то, что нас иногда отпускали в увольнения. Местных, естественно, чаще, что не могло не возмущать остальных.

– Что за ропот? – с неизменной улыбкой Пьеро восклицал капитан. – Увольнений хотите, но у меня есть что вам сказать. Вот представим, только представим, я отпустил вас в увольнение. Выходит солдат на улицу и тут видит... жеенщину, – всегда с придыханием и полушепотом говорил Юрченко. – Что ты смеешься, Еремин? Ты знаешь, что такое... жеенщина? Это не просто волосатое межножье, она пахнет духами и туманами, вот что такое... женщина. И вот вы ее увидели, и что дальше? Молчите? А я вам скажу что. Вы ж в нее залезете целиком, оставите снаружи только губы, чтобы курить, и где я вас, спрашивается, искать должен? Правильно. Именно поэтому увольнений на этой неделе не будет, и не пишите мне рапорты, не приму. Вот Седых у нас – почетный отец семейства, у него жена и семеро по лавкам. Детям без папки долго нельзя, когда у тебя второй-то народится уже? Через полгода? Ну вот еще и послужишь, а пока в субботу отпущу тебя к беременной супруге и дочке.

Два раза в неделю стрельбы. Скоро нас обещают на месяц отправить в полевой выход. Жить на воле, в палатках. Отвыкать от теплых казарм. А пока полторы сотни курсантов с автоматами и пулеметами постоянно ходят мимо местного пединститута, сворчивают и бредут к мосту через Оку. В институте девчата, сейчас лето, сессия: хохот, летящие походки и легкие платья. Здоровяк Еремин гогочет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.